

"Босс знает лучше (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дора Коуст, Матильда Старр

Босс знает лучше

Глава 1

— Дмитрий Викторович, я принесла документы, которые вы просили.

Я почему-то в нерешительности замерла на пороге кабинета. Никому никогда в жизни не призналась бы в этом, но я слегка побаиваюсь своего босса. Хотя, казалось бы, чего бояться? Он никогда не повышает голос на подчиненных, не кричит и не матерится, стуча кулаками по столу, как в знаменитом ролике про полимеры.

За те несколько месяцев, что я здесь работаю, у меня не было никаких дисциплинарных взысканий. Даже замечаний строгим голосом он мне ни разу не делал. А если, готовя важный документ, я ошибалась, лишь озабоченно хмурился и говорил: «Инночка, переделайте, пожалуйста. В этом бренном мире и так все находится в беспорядке, пусть хоть запятые стоят на своих местах».

То есть он мог бы считаться образцовым боссом: прекрасным, идеальным, просто душечкой... Но когда я на него смотрела, что-то холодело внутри.

И не только на меня он производил такое впечатление. Я уверена: никому, абсолютно никому не пришло бы в голову садиться ему на шею, или, к примеру, хоть как-нибудь злоупотреблять его хорошим отношением и нарушать субординацию.

Стоило ему лишь слегка нахмурить брови, и спорить с ним уже не хотелось. Аура такая, что ли? Никто особенно и не спорил. Ни партнеры, ни подчиненные. Даже налоговики с пожарными инспекторами предпочитали держаться вежливо и уважительно. Меня же его присутствие и вовсе повергало в какой-то священный трепет.

— Здесь всё? — он посмотрел на меня так, будто подозревал, что я могу украсть часть документов и продать их на черном рынке.

— Конечно, Дмитрий Викторович, — испуганно зачастила я, — как вы и велели, оригиналы отдельно, копии заверены и подшиты, а еще...

Он не дослушал, перебил меня строгим:

— Подойдите, — босс смотрел на меня так, словно хотел загипнотизировать взглядом.

Я приблизилась. Дмитрий Викторович медленно встал с кресла и обошел стол, принял документы у меня из рук, так, словно ему нужно было освободить эти руки, а затем сделал то, чего я ожидала от него меньше всего: привлек меня к себе и запечатал губы страстным поцелуем.

Жар удушливой волной прокатился по телу, собираясь и тонко вибрируя где-то внизу живота. Пульс бешено стучал в ушах, а сердце, казалось, билось где-то у самого горла.

Спину словно прошел электрический импульс, разбегаясь по коже колкими мурашками, чтобы уже через секунду взорваться столпом искр где-то в затылке. Не вырваться, не убежать — рука босса крепко держала мою шею, не отпуская.

Я не могла сказать ни слова — лишь нерешительно мычала, сопротивляясь, но начальник будто и не замечал моих попыток вырваться. Воздуха не хватало. Я почти задохлась, а проворный язык босса напористо изучал мои губы, прокатывался по краю верхних зубов, едва касаясь моего языка.

Кажется, еще немного, и я просто упаду в обморок. Ноги слабели, коленки подкашивались, а мои ладони упирались в горячую грудь бессовестному мужчине, ощущая, как размеренно и гулко бьется его сердце под тонкой рубашкой.

— Что вы делаете, Дмитрий Викторович? — растерянно прошептала я, когда этот поцелуй, длившийся, казалось, целую вечность, оборвался и я наконец смогла дышать.

Я хотела еще многое добавить: про то, что мы на работе, про то, что у меня вообще-то есть жених, а еще дверь не закрыта, и сюда в любой момент может кто-то войти, а еще...

Ничего из этого я так и не успела сказать, потому что уже в следующее мгновение папки с документами полетели со стола вниз, а меня усадили попой на его гладкую поверхность. Юбка высоко задралась. Полированная деревянная поверхность холодила кожу в том месте, где заканчивалась резинка черных чулок.

— Пожалуйста, не надо... — прошептала я в ужасе. Что тут вообще творится? Я ничего не понимала и не могла поверить в происходящее. — Пожалуйста...

Но босс не слушал мои возражения. Он резко развел мои ноги в стороны и прижался ко мне крепко-крепко. Я ощутила внутренней стороной бедер ткань его брюк. И снова головокружительный поцелуй, от которого мурашки бегут по коже, от которого бросает то в жар, то в холод. И хочется свести ноги вместе, но не получается...

— Я — ваше начальство. Вы обязаны беспрекословно выполнять мои распоряжения. И вот вам мой приказ: перестаньте сопротивляться. Я все равно получу то, что намерен получить.

Дмитрий Викторович рванул ткань моей блузки, похоже, даже не подозревая, что ее можно было растянуть. Пуговицы звонко посыпались на пол. Я сжалась, ощущая колкий страх, но времени на мысли, на разговоры, на противостояние мне никто не оставил. Горячие ладони скользнули на талию, слегка сжимая, а губы, что уже изучили мой рот, прижались к шее, вычерчивая извилистую дорожку до плеча.

Это было невозможно! Я прерывисто вздохнула и, не выдержав, застонала — бессовестно, не задумываясь о том, что меня может кто-то услышать. Голова кружилась, а тело слабело, уже и не желая сопротивляться. Страх еще играл свою тревожную музыку где-то на периферии сознания, а я уже отвечала на поцелуй, будто изголодалась, соскучилась именно по этим губам.

Теперь мне было мало просто принимать его грубоватую ласку. Я сама спешно растягивала пуговицы на его рубашке, желая прикоснуться к этому сильному телу, ощутить ладонями мощную грудь, скользнуть кончиками пальцев по вычерченным мышцам живота, погладить широкие плечи...

Его руки сжимали мои бедра — так властно, неоспоримо, собирая ткань юбки. Воздух из кондиционера прохладными струями касался разгоряченной кожи, а с меня уже срывали белье, нисколько не заботясь о его сохранности. Да я и сама об этом не заботилась. Непослушные пальцы растягивали кожаный ремень его брюк, а я смотрела в дикие, безумные, горящие возбуждением темные глаза.

Мы часто дышали, сплетаясь в животном порыве, воруя друг у друга короткие агрессивные поцелуи. Я уже и не хотела, чтобы он прекращал, чтобы он останавливался. И когда мощный член одним рывком вошел в разгоряченное лоно, я хрипло вскрикнула, с готовностью принимая его.

Теперь уже я обнимала его, вжималась в него, кусала его губы, наслаждаясь тем, как уверенно его ладони изучают мою грудь, грубо сминая, пощипывая возбужденные соски. С каждым острым толчком скорость все увеличивалась и увеличивалась. Крепкий член пронзал глубоко и сильно, и я двигалась ему навстречу, наслаждаясь каждым толчком.

Ладони босса до боли сжали мои ягодицы, наверное, чтобы точно не сбежала. Из горла Дмитрия Викторовича то и дело вырывался то ли хрип, то ли звериное рычание. Но теперь это не пугало, а скорее наоборот, сладкой вибрацией прокатывалось по телу, собираясь в лоне пульсацией, которая все росла и росла.

Я вскрикнула в последний раз от нестерпимого, невыносимого блаженства, которое горячей волной разлилось по телу. Оргазм накрыл с головой, взрываясь тысячами золотистых вспышек в темноте сомкнутых век.

— Милый... — мой еле различимый благодарный шепот.

И я проснулась...

Глава 2

Сбившееся дыхание, горящие щеки, предательская влажность между ног и сладкое, тянущее чувство внизу живота. Черт возьми, мне приснился эротический сон, да еще и с участием босса, которого я не просто никогда не воспринимала как сексуальный объект, а еще и боялась до чертиков, до трясущихся коленок.

Но если босс и был ненастоящим, игрой моего подсознания, то оргазм — очень даже.

Я на всякий случай воровато огляделась по сторонам и выдохнула с невероятным облегчением. Никаких признаков офиса или присутствия рядом Дмитрия Викторовича не было.

Я дома, в своей постели. Рядом со мной Вадик — мой жених, сопит, обняв подушку.

Все хорошо, все отлично, ничего страшного не случилось!

А этот сон...

Просто нервное, наверное. Даже сомнений нет, что это из-за командировки, которая мне предстоит.

Провести несколько дней в обществе шефа, при виде которого у меня трясутся поджилки, это то еще испытание для моей нежной психики. Вот она и среагировала таким удивительным образом.

— Иннусь, — раздалось под боком сонное бормотание, — ты с чего это в такую рань подорвалась?

Я посмотрела на электронные часы, занимающие прикроватную тумбочку. И правда рано. Шести даже нет.

Вадик лениво потянулся и мягко привлек меня к себе. Я вздрогнула и напряглась. Все-таки это был слишком, слишком реалистичный сон. Мне казалось, что на моих губах все еще горят страстные поцелуи босса, а его горячие руки уверенно скользят по моему телу. И это ощущение, что он везде — внутри и снаружи меня, снова нахлынуло, сводя с ума и заставляя безбожно краснеть.

Я страхнула это наваждение, а заодно и высвободилась из рук Вадика.

Нет, конечно, это только сон, и даже самый строгий моралист не смог бы посчитать то, что случилось сегодня ночью, изменой. Но теперь мне было как-то неловко, что Вадик меня обнимает, словно из объятий одного мужчины я сразу бросилась в объятия другого.

Я быстро вскочила с кровати и набросила любимый халат. Всунув ноги в тапки, двинулась в ванную комнату.

— Эй, ну так нечестно. Разбудила в такую рань и никакой компенсации... — томно протянул Вадик.

Я понимала, о какой «компенсации» говорит мой жених, но уж точно не была на нее способна. Лучше бы он и не просыпался, честное слово! Спал бы до обеда как обычно.

— Ты же знаешь, что у меня сегодня очень важный день. Надо быть на работе пораньше, — торопливо проговорила я и юркнула в ванную, опасаясь, что он будет настаивать.

И только когда встала под теплые струи, более или менее успокоилась. Что за чертовщина? И сон дурацкий, и Вадик будто неродной... Что происходит? — задавала я себе вопросы.

И тут же сама отвечала: это нервное, Инна. Просто стресс. Просто мне очень-очень страшно ехать в эту чертову командировку вдвоем с Дмитрием Викторовичем. Мы ведь вместе проведем с ним несколько дней — почти неразрывно...

К черту страх! Пора собираться!

И все-таки мысль о том, что через каких-то полчаса я лицом к лицу столкнусь с этим мужчиной, вызывала у меня теперь странное чувство. И это точно был не только страх.

Глава 3

День и правда был сумасшедшим. Стоило сотрудникам нашей компании узнать, что босс покидает их аж на целых три дня и уезжает с инспекцией в отдаленный филиал, так сразу выяснилось, что именно в эту секунду каждому из них нужно решить множество очень важных вопросов и ни один из них не терпит семьдесят два часа.

Приемная сегодня напоминала улей. Равномерный гул и деловитое снование туда-сюда... Как в этом дурдоме я умудрилась заказать билеты на самолет, связаться с филиалом, договориться, чтобы нас встретили и просмотреть номера в местных гостиницах, чтобы выбрать такой, куда не стыдно будет поселить самого Дмитрия Викторовича, — сама удивляюсь.

Наверное, я просто идеальный секретарь, который умеет сохранять хладнокровие в любой ситуации, а потому имеет полное право собой гордиться.

Когда последний посетитель покинул кабинет босса, Дмитрий Викторович позвонил по внутреннему.

— Инна, вы подготовили документы, что я вас просил? (которые я у вас просил?)

Что-то в этой фразе было знакомым, смутно и тревожно. Но я отбросила эти мысли, подхватила со стола стопку бумаг, на которые потратила вчера полдня, и зашла в кабинет. Было странное ощущение, вроде дежавю, как будто все это уже случилось — только вот где и когда?

— Дайте сюда, — Дмитрий Викторович встал из-за стола, обошел его и присел на край.

А я тут же вспомнила, где и когда было что-то похожее. Ну, разумеется, в моем сегодняшнем сне! Я вспомнила, что там было дальше, и почувствовала, что стремительно краснею.

— Вы решили мне их не отдавать? Хотите потребовать выкуп, но еще не определились с суммой? — Дмитрий Викторович улыбался.

Наверное, это и вправду выглядело забавно: я, застывшая на пороге со стопкой документов. Несколько шагов между дверью и столом почему-то было невероятно трудно сделать. Но я справилась. Хотя перед глазами всю мелькали картинки из сегодняшнего сна, и сейчас, когда Дмитрий Викторович, такой деловой и солидный, в костюме и при галстукке, возвышался посреди кабинета, всё, что привиделось мне ночью, казалось таким нереальным и противоестественным, а я сама себе — какой-то маньячкой.

Я протянула бумаги. Дмитрий Викторович принял их из моих рук и углубился в чтение. Ну вот, ничего такого. Просто моему боссу понадобились документы. Черт, о чем я вообще думаю? Разумеется, они ему понадобились. Не просто же так он вчера просил меня их подготовить!

— Инна? — вывел меня из задумчивости его голос. Дмитрий Викторович смотрел на меня удивленно. — Вы что-то еще хотели?

Ну конечно. Отдав ему документы, я не должна была стоять как истукан и ждать, пока он на них полюбуется.

— Да, я хотела сказать, завтра вылет в 11:15. А значит, в аэропорту надо быть как минимум за час.

— Я помню, — ответил босс. — вы уже прислали мне эту информацию на электронную почту и на вайбер. Думаю, я сумею явиться вовремя. Во всяком случае, раньше мне это всегда удавалось.

Я едва сдержала вздох. Ну почему я веду себя как идиотка? Вернее, я, конечно, знаю, почему я веду себя как идиотка. Но почему это случилось именно сейчас?

Я развернулась и пошагала к выходу, ругая себя последними словами.

— Инна! — окликнул меня он когда я была уже у двери. Я застыла, не осмеливаясь повернуться, будто бы и вправду боялась увидеть за спиной босса, срывающего с себя одежду в порыве страсти.

— Не нужно так нервничать. Это просто штатная командировка. Если вы боитесь летать самолетом, мы можем поменять билеты и поехать поездом. Правда, это займет больше времени.

Я тут же представила себе, что вместо нескольких часов в салоне самолета, битком набитом людьми, мы проведем сутки в поезде, запертые в одном купе, и торопливо ответила:

— Нет-нет, я очень люблю самолеты! А вот поездов побаиваюсь. Не обращайтесь внимания. Просто трудный день.

Я выскочила из кабинета, схватила сумочку, плащ и опростелью бросилась на улицу. И только на крыльце здания, увидев накрапывающий дождик, вспомнила, что оставила в офисе зонт. По хорошему следовало бы за ним вернуться. Тучи на горизонте недвусмысленно намекали: прогулки без зонта могут плохо закончиться. Но сейчас я предпочла бы попасть под тропический ливень, смывающий все на своем пути, чем снова столкнуться с Дмитрием Викторовичем, и поэтому смело вышла под холодные капли.

Разумеется, дождь хлынул, стоило мне отойти от спасительного офисного козырька на сто метров, а пока я добежала до дому — на мне не осталось и сухой нитки.

Все-таки удобно жить рядом с работой — думала я, выкручивая волосы и снимая с себя вымокшую одежду. Если бы пришлось тащиться через полгорода, было бы куда хуже.

Именно этот аргумент и приводил Вадик, когда уговаривал меня к нему переехать. Пять минут ходьбы — и ты дома. Ну красота же! Он был очень убедителен, когда расписывал преимущества нашей будущей совместной жизни. Утром проснулась, позавтракала спокойно, вышла, прогулялась, не торопясь — и вот уже и работа. И мне хорошо, и ему: дома уют, любимая женщина под боком.

Насчет уюта это он не соврал. Мне пришлось потратить немало времени, чтобы превратить его холостяцкую берлогу в уютное семейное гнездышко. Зато теперь у нас идеальный дом, в доме — идеальный порядок, на кухне — идеальный ужин, и брак у нас тоже будет идеальным, и никаким Дмитриям Викторовичам с выпуклыми кубиками на мощном торсе этого не изменить. И вообще, кто сказал, что они там есть? Я эти кубики видела исключительно во сне, так что...

Телефон зазвонил, и я вздрогнула. Почему-то мне казалось, что это он — мой босс. Скажет сейчас строго: это что это вы Инночка о моих кубиках такого невысокого мнения? Сейчас же прекратите так думать!

Я отогнала глупую мысль и откопала в сумке гаджет. Вадик! Я вздохнула с облегчением.

— Милая, ты дома?

— Конечно, дорогой! Промокла ужасно. Сейчас на десять минуточек в горячую ванну, а потом приготовлю тебе что-нибудь вкусное. Что ты хочешь сегодня?

— Рыбка моя, я сегодня задержусь. Я так хотел помочь тебе собраться, но... у Владимира день рождения. Я бы, конечно, лучше побыл с тобой, но сама понимаешь — начальство. Оторвешься от коллектива — повышения не видать.

— Конечно, я понимаю!

Сначала я хотела привычно расстроиться, как всегда, когда Вадик надолго задерживался на работе. Мне было тоскливо в огромной пустой квартире одной. Если бы мы могли завести, к примеру, кота... или собаку. но Вадик был против. С собакой надо гулять, а от кота шерсть и запах. Он, смеясь, предлагал рыбку в банке, но тут уж я отказывалась. Рыбку не обнимешь, с ней не укутаешься в теплый плед, чтобы посмотреть душевную киношку.

А о тоскливом чувстве одиночества по вечерам в пустой квартире я не говорила: вряд ли Вадик

это оценит. И новых разговоров про то, что он изо всех сил старается строить карьеру, мне не хотелось. В конце концов, он прав: не на мою же секретарскую зарплату нам жить.

Только сегодня мне не было ни тоскливо ни одиноко, и я даже почти порадовалась, что смогу спокойно собраться, не отвлекаясь каждые пять минут на «Рыбонька, а у нас кажется был кисло-сладкий соус, что-то не могу его найти...» или «Милая, а где мой свитер, ну этот, белый... ну не тот белый который совсем белый, а тот белый, который не очень?» и долгие поиски, пока среди «белых» свитеров не отыщется нужный — темно-кофейного цвета.

В этот вечер я смогла вдоволь поваляться в ванне, спокойно приготовить ужин, собрать всё необходимое и несколько раз перепроверить, всё ли, улечься спать в огромную кровать и уснуть. На этот раз — глубоко и без сновидений.

Глава 4

Я спала настолько крепко, что даже не услышала, как домой вернулся Вадик. Заметила его только утром. Он мирно спал на соседней половине кровати, обнимая руками подушку. Ну и прекрасно — пусть спит. Специально будить его чтобы попрощаться я не стала. Если день рождения его начальника сопровождался обильными возлияниями, проснуться с утра пораньше — это явно не то, чего бы ему хотелось. А носиться по квартире, слушая жалобные стоны: «Рыбонька, полцарства за таблетку аспирина!» не хотелось уже мне.

Так что я тихонько, как мышка, выбралась из-под теплого одеяла, стараясь не создавать лишнего шума, привела себя в порядок, упаковалась в дорожный костюм (джинсы, водолазка — ничего лишнего) и выскользнула за дверь. И вдруг так явно осознала, что совершенно не боюсь предстоящей командировки. Даже наоборот — почти хочу ее. Вот когда я в последний раз куда-нибудь выбиралась? Уже и не вспомнить. И пусть глухомань, в которую мы едем, далеко не пятизвездочный отель на Мальдивах, — все-таки эта поездка — почти приключение.

А Дмитрий Викторович — совсем не страшный, даже наоборот, вполне симпатичный мужчина, вне зависимости от того, есть у него приснившиеся мне кубики или нет.

— О чем задумались? — раздался веселый голос за моей спиной.

Я вздрогнула и мигом покраснела. Потому что уж точно не могла бы откровенно и честно ответить на этот вопрос. Вряд ли ответ: «О том, как вы выглядите без рубашки», уместен в данной ситуации.

— О том, что регистрация начнется уже через пятнадцать минут, — выкрутилась я.

— Великолепно! — обрадовался этому обстоятельству мой босс. — Значит, мы еще успеем выпить по чашке кофе. Что-то вид у вас сонный, хотя вам это даже идет.

— Отлично, — смутившись, забормотала я, — если вам так нравится, могу каждый день приходиться на работу заспанной. Или вообще устраивать себе полуденный сон...

Дмитрий Викторович расхохотался, хотя я не сказала бы, что шутка была очень смешной. Кажется, дело в том, что у него просто отличное настроение. Ну что ж, у каждого свои хобби. Возможно, у моего босса это — инспектировать филиалы.

Странно, вне стен офиса он уже не внушал мне того дикого ужаса, что раньше. Видимо, потому что не диктовал мне деловых писем, не давал распоряжений и не смотрел строго, а очень даже наоборот: галантно помогал мне избавиться от багажа, уступил место у иллюминатора,

мужественно разобрался с тем, как застегивается этот жуткий самолетный ремень, больше похожий на орудие пыток.

В общем, я окончательно уверовала в то, что наша поездка пройдет не так уж и плохо. Поверив в это, я наконец-то расслабилась. А расслабившись — задремала в кресле.

Проснулась я от того, что почувствовала, как горячая ладонь ложится мне на коленку и скользит вверх по ажурной глади чулок, чтобы нырнуть под юбку. Продвигается дальше к самому запретному, а сильные пальцы нежно гладят шелковую ткань. Сначала осторожно, а потом уже и вовсе не стесняясь, словно осознавая, что сопротивления не будет.

Время словно остановилось. И вот уже я гулко втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. Пытаюсь открыть глаза, чтобы посмотреть на начальника укоризненным взглядом, но... Не могу! Пытаюсь, но никак не получается!

Открываю рот, чтобы высказать свое возмущение, но голоса нет. Лишь воздух оседает в легких и рвано вырывается наружу. Хочу пошевелиться, немедленно убрать его своевольную руку, которая мягко, но напористо гладит лоно поверх ткани, пробираясь к влажным складкам, но снова не могу! Даже ноги вместе свести не могу, будто тело мне не принадлежит!

Меня бросает в жар. Горячая волна прокатывается по венам, оседая тугим комком внизу живота. Ноги покалывает, и уже туфли кажутся неудобными, юбка — слишком тесной, а блузка — чересчур плотной. Дыхание становится порывистым, сухим, а я остро ощущаю, как чужие пальцы собирают ткань и без того миниатюрных трусиков и тянут ее вверх. Ткань впивается между складок, трется о самое чувствительное местечко, принося не боль, а нереальное возбуждение.

Хочется вскрикнуть, но не получается. Боже! Ведь мы же в самолете! Кто-нибудь может увидеть! Стюардесса! Она ведь время от времени ходит по салону! И пассажиры!

Страх быть увиденной, раскрытой, забрался в самую душу, вынуждая занервничать с новой силой. Адреналин прошивал тело насквозь. Да как же так?

Ткань отпустили. Вернули на место, ласково пригладив, но неугомонные пальцы и не думали останавливаться. Чувствовала дискомфорт от того, что белье намокло. Остро ощущала это и была уверена, начальник чувствовал тоже.

Подушечки его пальцев очертили край белья и решительно сдвинули его в сторону, чтобы мягко коснуться самой чувствительной точки. Весь мир вместе с этим самолетом перестал существовать, а длинные тонкие пальцы уже кружили по клитору, слегка надавливая.

Ощущение острого болезненного наслаждения прошивало нервы, разрасталось по телу колкими мурашками. Мышцы непроизвольно сжимались, а мне так не хватало того самого чувства наполненности. Слово картинка не целая, а мозаика никак не хочет складываться.

Начальник будто услышал мои мысли, прочел их как открытую книгу. Проворные пальцы скользнули по влажным складкам, погладили края рядом с входом...

Он играл.

Гладил чувствительное местечко, но не проникал, тогда как я изнывала от неконтролируемого желания, кусая губы. Если бы могла, то бессовестно двинулась бы пальцам навстречу, лишь бы ощутить, как они растягивают влагище, как проникают, усиливая давление и доводя до

самого пика...

Ну же! Что же ты тянешь?

Пальцы ворвались во влагалище, словно по команде. Я даже краснеть уже не могла. Дико, до безумия хотела получить разрядку. Мышцы словно свело, закрутило в тугой узел, чья пульсация с каждым движением только нарастала. Скорость увеличивалась, а я металась по сидению, забыв обо всем. Были только я и его пальцы, сводящие с ума, доводящие до пика наслаждения, до золотистых вспышек в темноте сомкнутых век...

Я вскрикнула и широко распахнула веки. Фу-ух, это снова чертов сон. Глупость какая! Это и не могло быть правдой — невозможно забраться под юбку, которой попросту нет. Я сидела в джинсах, а руки Дмитрия Викторовича лежали на подлокотниках его кресла.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил он меня.

Случилось? Это он о чем?

— Вы вскрикнули. Я уже подумал, что здесь мышь.

Я улыбнулась изо всех сил, стараясь чтобы улыбка не выглядела вымученной.

— Мышь в самолете? Да нет, приснилось просто... всякое. Кошмар. — ответила я.

— Есть такая примета: чтобы сон не сбылся, его надо рассказать. — заботливо сказал Дмитрий Викторович, явно не понимая, что этим самым заставил мои щеки вновь стать пунцовыми.

Ну уж нет. Этот сон я точно никому пересказывать не буду. К тому же в том, что он ну никак не может сбыться, я даже не сомневаюсь.

— Я даже не помню. Что-то такое смутное... Там были такие тени... — начала врать я.

Но придумывать каких-нибудь зомби, поедающих мои мозги, к счастью, не пришлось. Меня спас голос командира экипажа, который объявил, что мы вот-вот приземлимся.

Глава 5

Мы вышли из самолета, а я какое-то время не могла прийти в себя, будто бы все еще чувствовала бесстыжие прикосновения моего босса — прикосновения, которых никогда не было и быть в реальной жизни не могло. Вот же чушь несусветная!

Мы получили багаж и стали понемногу двигаться к выходу.

— Нас встретят, я вчера обо всем договорилась, — донесла я до Дмитрия Викторовича совершенно лишнюю информацию. Вообще-то я вчера об этом уже докладывала.

Наверное, пыталась убедить саму себя, что я не только сексуально озабоченная маньячка, по которой плачет психоаналитик, но и ценный сотрудник. Или в первую очередь — ценный сотрудник. А потом уже все остальное.

— О, Дмитрий Викторович! Ужасно, ужасно рада вас видеть! — раздалось совсем рядом. Я медленно повернулась в сторону этого голоса, и взгляд мой тут же уткнулся в глубокое декольте платья, скорее открывающего, чем прикрывающего грудь четвертого размера.

Дама, обратившаяся к моему боссу, не только обладала мелодичным голосом и внушительным бюстом. В ее арсенале также были пухлые напичканные силиконом губки, осиная талия и ноги, которые росли, кажется, от коренных зубов. Я перевела взгляд на шефа.

Он с явным удовольствием рассматривал со всех сторон выдающиеся достоинства встречавшей нас сотрудницы и улыбался... Почему-то мне этот взгляд и сама его реакция совсем не понравились. А собственно, почему? Теперь мне постоянно придется напоминать себе, что мой начальник — это совершенно посторонний, чужой для меня мужчина и ничего кроме моих обязанностей и дурацких снов нас не связывает? Надеюсь, что у меня получится уяснить это раз и навсегда и больше к этому вопросу не возвращаться.

Дамочка не удостоила меня даже взглядом. Она протянула боссу руку с наманикюренными пальчиками. Ярко-красные заостренные ногти, смотрелись не слишком по-деловому, но, как ни странно, к ее образу подходили. Даже с декольте и этими ногтями дамочка не выглядела дешево, это приходилось признать. Эдакая акула бизнеса, которая сожрет и не подавится.

— Меня зовут Элеонора. Алексей Петрович поручил мне вас встретить, разместить в гостинице, и... — она игриво улыбнулась, невзначай поправляя крупные локоны, и сверкнула ярко накрашенными глазками, — доставить в ресторан. Чтобы, так сказать, покормить дорогого гостя с дороги. Проявить радушие и гостеприимство. А уже завтра с утра приступим к делам.

Не дожидаясь ответа, она походкой от бедра направилась к выходу, и нам ничего не оставалось делать как неспешно следовать за ней. Впрочем, по Дмитрию Викторовичу нельзя было сказать, что его это как-то огорчало. Во всяком случае, его взгляд фокусировался где-то в районе ее округлых ягодиц, обтянутых офисной черной юбкой так плотно, что ни в одном приличном месте это не сочли бы деловой одеждой.

Мы разместились в симпатичной гостинице. Поскольку номера для нас заказывала именно я, Дмитрий Викторович успешно обосновался на седьмом этаже здания великана, в уютненьком полулюксе — без лишней роскоши, но очень даже прилично, учитывая, в какой глуши мы оказались. Себе же я взяла номер-стандарт на третьем этаже. Пожалуй, он был несколько тесноватым, но мне там не приемы устраивать. А средства предприятия нужно тратить с умом.

Я наскоро приняла душ, переделалась в самое приличное из взятых с собой платьев и, пожалуй, провела у овального зеркала несколько лишних минут, аккуратно подрисовывая черные стрелки и подкрашивая густые ресницы. Почему-то в присутствии этой дамочки совсем не хотелось выглядеть серой мышью.

В ресторане, где нас принимали, явно собралось все мыслимое и немислимое руководство филиала, и по тому, с каким радушием они встречали дорогого гостя, можно было сделать вывод, что эти улыбчивые люди жить не могут без проверок. Хлебом их не корми, водой не пои, только приди и проверь, хорошо ли они работают на благо родного и любимого концерна.

Элеонора все время была где-то поблизости, словно ее скотчем приклеили к моему боссу. Так мы и сидели за столом — она по правую руку от столичного гостя, я — по левую.

Элеонора бросала на начальника томные взгляды, смеялась над всеми его шутками, стреляла накрашенными глазками и время от времени что-то доверительно мурлыкала, чуть ли не касаясь губами его уха и будто невзначай накрывая его руку своей.

Показалось мне или нет, но Дмитрий Викторович жалобно поглядывал в мою сторону, словно молил о помощи? Однако спасение несчастных боссов из лап пышногрудых блондинок явно не

входило в мои должностные обязанности, прописанные в договоре. Да и вообще, чем дольше длился этот роскошный и излишне веселый праздник жизни, тем больше портилось мое и без того не слишком прекрасное настроение.

Видимо, я просто уже отвыкла от шумных компаний, хотя раньше за собой такой нелюбви к веселым посиделкам не замечала. Может быть, наша с Вадиком уединенная жизнь наложила свой отпечаток?

Ох, как же это я могла забыть! Я ведь за целый вечер даже не позвонила жениху, не спросила, как у него дела, поужинал ли он...

Внезапно меня словно прошило электрическим разрядом. Я остро почувствовала, как моей коленки что-то коснулось. Кажется, это была чья-то рука под столом.

Глава 6

Я вздрогнула, резко обернулась и с облегчением выдохнула: рука Дмитрия Викторовича лежала на столе, а то, что показалось мне мягким касанием, была всего лишь упавшая со стола мне на коленку тряпичная салфетка.

Но то, как я подпрыгнула и заерзала, испугавшись этого прикосновения, дало свой закономерный результат: я с ужасом почувствовала, как резинка моего чулка медленно, но верно соскальзывает с положенного ей места и начинает понемногу съезжать вниз.

О боже! Только не это!

— Пойдемте потанцуем! — проворковала Элеонора, и они с боссом поднялись со своих мест и переместились на танцпол, где уже кружились другие пары.

Только я хотела незаметно поправить чулок, который съехал уже до самой коленки, как увидела, что по правую руку от меня, через два места сидит один из представителей местной администрации. Его плотоядный взгляд охватывал меня с ног до головы, словно мужчина пытался облапать меня глазами. И ему это почти удавалось! Липкие неприятные ощущения, от которых хочется закрыться, забирались под самую кожу.

Только этого и не хватало! Черт! Его заинтересованный взгляд я ловила на себе весь этот вечер, но раньше мощные плечи моего босса и округлый бюст Элеоноры прикрывали меня от этого неприятного типа, а теперь я оказалась полностью на виду. В этой ситуации украдкой привести одежду в порядок просто не представлялось возможным.

Представляю, как бы вытянулась физиономия у местного ловеласа, если бы я, томно похлопав ресницами и неловко улыбнувшись, приподняла подол платья и стала подтягивать чулок — просто идеальное начало для порнофильма, который он сразу же начнет прокручивать в своей голове. Фигушки! Лучше я вовсе без чулок останусь и опозорюсь на всю провинцию, чем дам этому типу насладиться таким пикантным зрелищем! В конце концов, если не вставать до самого конца мероприятия, можно дождаться момента, когда присутствующие уже будут не в состоянии смотреть по сторонам.

Между тем медленная композиция завершилась, и Дмитрий Викторович со своей красногубой рыбой-прилипалой, раскрасневшиеся и улыбающиеся, вернулись на свои места. Элеонора попыталась наполнить пустой бокал босса, но ее ожидало разочарование.

— Ой! Коньяк закончился! — оповестила она нас, а заодно и всех присутствующих в ресторане.

Конечно, закончился. Можно сказать, что пал смертью храбрых в неравной схватке с силиконом. Она сама же его и вылакала. А вот Дмитрий Викторович в выпивке был более чем умеренным. Один бокал-то всего и выпил за весь вечер.

— Пойду скажу официанту, чтобы принес еще... — вильнув округлыми бедрами, она удалилась.

Когда Элеонора исчезла, умотав по направлению к бару, я почувствовала себя уверенней, но... Увы, ненадолго.

— Мне кажется, вы совсем заскучали. Может, пойдём потанцуем? — босс протянул мне руку, и не было ни малейшего повода отказать ему в его невинной просьбе.

Угу. То что надо. Только об этом и мечтала всю дорогу, придерживая коленкой чулок.

Мои щеки мигом покраснели, уши опалило жаром, а дыхание и вовсе прервалось. Лучше бы сейчас грохнуться в обморок.

— Я... не могу... — запнувшись, я все-таки нашла силы ответить.

— Ну уж нет, Инна, отказ не принимается, — мягко улыбаясь, проговорил босс, — если, конечно, вас не завербовала какая-нибудь жуткая секта, которая запрещает своим адептам весело проводить время. Но даже если это и так, я готов выцарапать вас из их цепких лап.

Улыбка сама собой легла на мои губы. Неуверенная, нервная, наверняка, едва заметная, но все же.

— Нет, — с сожалением вздохнула я и почему-то впервые за всю эту поездку решила сказать ему неловкую правду: — Просто у меня чулок съехал. И мне никак не удастся его поправить. Так что ни танцевать, ни даже просто встать я не могу.

Вопреки моим ожиданиям, Дмитрий Викторович не рассмеялся, не отпустил какую-нибудь скабрёзную шуточку. Напротив, его лицо приняло сосредоточенное и деловитое выражение.

— Правый или левый? — строго спросил он у меня.

— Правый, — честно ответила я, категорически не понимая, ни зачем он это спрашивает, ни зачем я это говорю.

— Спокойно, сейчас мы это быстро исправим, — сказал он, и не успела я возразить или возмутиться, как он легким движением смахнул со стола белую салфетку, а заодно вилку и нож.

— Я такой неловкий! Видимо, слишком много выпил! — объявил он во всеуслышание и... наклонился. Я почувствовала обжигающее прикосновение его рук и забыла, как дышать, задохнувшись возмущением.

Глава 7

Пальцы Дмитрия Викторовича ловко ухватились за край чулка, словно поглаживая мою кожу. Я была на сто процентов уверена, что сейчас кто-нибудь обязательно заметит, что у нас здесь происходит, но мой босс водрузил резинку на положенное ей место так быстро и ловко, словно то ли всю жизнь тренировался, то ли совсем недавно выиграл чемпионат по скоростному

надеванию чулок на ножки дам.

Я даже не успела испугаться, осознать факт того, что мне только что приподнимали платье, а начальник уже невозмутимо поднялся из-за стола, жестом фокусника демонстрируя спешащему официанту салфетку, вилку и нож

— Замените, пожалуйста, — сказал он и сунул в руку подоспевшему молодому человеку купюру. — Извините за беспокойство.

В эту минуту мне показалось, что прямо над головой Дмитрия Викторовича засиял золотистый нимб. Впрочем, конечно, это был не нимб. Это светились и манили к себе огни танцпола.

— Ну, теперь-то у вас нет ни единой причины, чтобы отказать мне в танце! — торжественно объявил он мне, и действительно был прав: весомых причин не осталось.

Я встала из-за стола и облокотилась на его руку, не без удовольствия отметив, с каким недовольным лицом нас провожала взглядом прилипчивая Элеонора. Мне, конечно, никакого дела не было до ее поползновений в сторону моего босса, но... Слишком уж заносчивый у нее был вид.

— Спасибо, что спасли меня, — шепнул начальник мне на ухо. — По-моему, эта милая девушка выпила лишнего и готовится надеть глупостей, о которых завтра будет жалеть, а я как-то не особенно настроен в этом участвовать.

Почему-то меня это его замечание кольнуло. Я вовсе не собиралась обсуждать с ним каких-то там девушек. Пусть они хоть трижды будут настойчивыми.

— Предлагаю под шумок сбежать с этого праздника жизни. Как вам такое предложение? Я, если честно, устал с дороги. Перелеты всегда давались мне тяжело.

Начальник совершенно не выглядел уставшим. Скорее уж таким, каким смотрится всегда: уверенным, статным, бодрым и спокойным.

Внутри разрасталось неприятное ощущение. Неужели меня так сильно царапнуло то, что он пригласил меня танцевать не потому, что хотел потанцевать со мной, а исключительно для того, чтобы скрыться от назойливой поклонницы?

Кажется, коварное вино все-таки сыграло со мной злую шутку, и я опять стала забывать, что наш бурный секс с боссом существует исключительно в моих снах, а наяву у меня имеется жених, который сейчас сидит один-одинешенек в пустой квартире и ему не с кем словом перебраться. Даже кота у нас нет.

— Ну что? Уходим? — спросил он, когда музыка закончилась, обрываясь на последних тревожных аккордах.

Я согласно кивнула, цепляясь за его локоть. Ощущала себя шпионкой на задании, когда мы никем незамеченными выскользнули из душного зала. Прохладный воздух коснулся обнаженных плеч, а я с облегчением выдохнула. Да, все-таки такие мероприятия не для меня.

Чужой пиджак лег на мои плечи, согревая теплом и окутывая терпким парфюмом, от которого вмиг закружилась голова. Как-то не подумала я о курточке или плаще. А ведь стоило взять в дорогу что-то кроме офисного пиджака.

Дмитрий Викторович поймал для нас такси, открыл для меня дверцу, сел рядом и назвал водителю адрес гостиницы. В такси почему-то сразу стало очень тесно. Я ощущала себя неловко. Наши колени соприкоснулись, и снова — мурашки по коже. Хотя казалось бы — ну что такого? Просто сидим рядом. Почему я так реагирую? Сделав вид, что поправляю платье, я отсела немного дальше.

Когда мы доехали, лучше тоже не стало. Мы зашли в лифт и одновременно потянулись к кнопке с цифрой “три” и конечно же столкнулись пальцами. Я быстро одернула руку, будто обожглась. Если совсем недавно я и думала, что ситуация с чулком — самая неловкая в моей жизни, то сейчас мне так уже не казалось.

Нервничая, я спрятала руки под чужим пиджаком, стараясь выглядеть невозмутимо. Цифры на табло будто нехотя сменяли друг друга, а мне казалось, что мы поднимаемся слишком медленно. Когда створки лифта распахнулись, я испытала облегчение.

— Спасибо... — я хотела поблагодарить за вечер и попрощаться, но босс вышел вместе со мной.

Вот это и правда неожиданность!

Глава 8

И что же теперь будет? Что вообще ему делать на моем этаже? Видимо недоумение слишком явно отразилось у меня на лице.

— Я провожу вас до номера, — сказал он, и пояснил: — Тут прохладно. Не хочу отбирать у вас пиджак.

Дмитрий Викторович улыбался.

Ну вот. А я уже собиралась подумать что-нибудь эдакое! Пора бы уже уяснить, что все проявления внимания ко мне — это не более чем галантность.

Мы пошли по тускло освещенному коридору, и почему-то неловкость усиливалась. Слава богу, что мой номер располагался не так далеко от лифта. Достав ключ из сумочки, я открыла замок и обернулась к боссу.

— Спасибо за заботу...

Я сбросила пиджак с плеч и протянула его начальнику. Дмитрий Викторович взял пиджак, но почему-то не уходил. Казалось, он хочет что-то сказать. Теперь мы оба застыли перед открытой дверью как две статуи. Смутившись, я смотрела куда-то в пол, избегая как всегда внимательного взгляда начальника.

— Инна... — начал он, видимо, собираясь пожелать мне спокойной ночи.

Но договорить не успел у меня в сумочке громко запел телефон. Я торопливо стала его доставать — не хватало еще перебудить половину отеля! И чем больше торопилась, тем труднее было его найти. Но я справилась. На мониторе высвечивался номер Вадика. Ну конечно, не мог же он обо мне забыть...

Говорить в присутствии босса с ним не хотелось, поэтому я виновато улыбнулась, быстро бросила:

— Спокойной ночи! — и скрылась за дверью.

— Милая, я волновался. Почему ты не отвечаешь?

— Почему я не отвечаю? Отвечаю, — ответила я, почему-то раздражаясь, хотя понимала, что Вадик имел полное право поинтересоваться, где шляется его невеста в... Я посмотрела на часы... хм, а мы с Дмитрием Викторовичем рано убежали с вечеринки — 23:30! Порядочные золушки в это время еще всю трескают мороженое и отплясывают с принцами. В общем, время детское. И все-таки, это не повод грубить Вадиду.

— Дорогой, я выключила звук. Поэтому не слышала звонков.

Враньё. Но рассказывать ему правду явно не стоило.

— Могла бы и сама позвонить, — обиженно сказал он.

Вообще-то я звонила. Сразу, как только прилетела и оказалась в номере одна. Но он тогда был занят и сказал лишь, что очень за меня рад.

— Прости, милый, замоталась. Тут совершеннейший сумасшедший дом. Но не волнуйся — со мной все в порядке — только очень устала.

— Скажи, а где у нас стоит соевый соус? Что-то не могу его найти.

— Там же где и всегда — в шкафчике со специями.

— Это чесночный, я его вижу. — теперь уже Вадик раздражался. — А обычный где?

Я вздохнула.

— Если его там нет, значит, закончился. Надо купить.

— Ясно, — буркнул Вадик. — ну давай, пока.

Я положила трубку с облегчением.

И тут же начала себя за это корить. Всё это было как-то неправильно. И мои ночные прогулки с боссом, и его руки на моем чулке, и мои сны... А еще Вадик... Я ведь и правда про него забыла. Раньше бы позвонила обязательно. Рассказала, что и где взять, как долго разогреть, лишь бы сухомыткой не питался в мое отсутствие, а то потом снова будет жаловаться на желудок...

Но сейчас Вадик и его рацион уже не так меня волновали. Раз ищет соевый соус, значит наверняка остальную еду уже нашел. Не маску же для лица он собрался из него делать!

Все! В душ и спать! И никаких мыслей!

Я вышла из душа и не стала надевать пижаму, так и упала на кровать поверх покрывала в одном полотенце.

Надо собраться с силами и высушить волосы. Лечь спать с мокрыми — значит утром в зеркале увидеть стог медного сена, который не возьмет ни один лак, сколько ни бейся.

Прикрыв веки, с удивлением осознала, насколько устала. Тело казалось тяжелым, а ноги

гудели, будто я не просто ходила сегодня весь вечер на высоких каблуках, а как минимум пробежала в них стометровку на скорость. Но не в балетках же было идти! Не хотелось чувствовать себя ущербно на фоне этой со всех сторон идеальной Элеоноры...

Стоило мне немного перевести дух и почти решиться взять в руки фен, в дверь коротко, едва слышно постучали. Странно, кому и что понадобилось от меня в такой час? Может быть, номером ошиблись?

Стук раздался еще раз.

Поднявшись с постели, я на цыпочках подошла к двери, рукой придерживая на груди полотенце.

— Кто там? — спросила с испугом.

- Инна, это я, — раздался знакомый голос. — Дмитрий Викторович...

Глава 9

— Простите, но я никак не могу найти один документ. Возможно, он лежит в вашей сумке. Я не стал бы беспокоить вас так поздно, но он действительно нужен мне прямо сейчас.

И вот стою я — почти нагишом, и понимаю, что некрасиво держать собственного начальника по ту сторону двери, но если я попрошу его подождать, ждать ему придется очень долго, потому что... Волосы, белье, одежда... Я до сих пор ничего не разобрала, а быстро найти в сумке все необходимое я просто не смогу.

— Инна, у вас все в порядке? — теперь он явно начинал беспокоиться, а я всю поддавалась панике.

Так, стоп! Ничего такого. Я просто открою ему дверь и отдам папку с документами, а там уже пусть сам ищет, какой именно из них ему понадобился.

Мысль о том, что мне сначала нужно было достать из сумки папку с документами, а потом уже открывать дверь, пришла в мою невысушенную феном голову с опозданием. Когда замок щелкнул, дверь открылась и на меня уже удивленно смотрел Дмитрий Викторович.

Я взглянула на босса, будто бы впервые его увидела. И сразу же утонула в его темно-зеленых глазах. Мокрые волосы, хмурые брови, тень от бровей на скулах. Едва заметная щетина делает подбородок еще выразительнее. Белая рубашка обтягивает широкие плечи...

А ведь он очень, просто чертовски красив!

— Инна, все в порядке? — снова спросил он.

Ну конечно! Я же застыла как истукан! Залюбовалась! Красив, значит! Хорошо хоть полотенце не выпустила от восторга!

— Проходите, я сейчас все найду, — наконец вспомнила я, какого черта в таком виде вообще стою на пороге.

— Простите, я не подумал, что вы можете быть не одеты...

Если и раньше я была смущена, то теперь и вовсе была готова сгореть от стыда. Чтобы скрыть

замешательство, я повернувшись к начальнику спиной и направилась к сумке.

Дверь за спиной захлопнулась, и я почему-то подумала о мышеловке. Нет, ну что за мысли! Конечно, он закрыл дверь. Не будет же Дмитрий Викторович ждать в коридоре.

Папка никак не хотела вылезать из сумки. Но я в конце концов победила, поднялась, одной рукой придерживая полотенце, и протянула папку.

— Спасибо, — спокойно ответил босс. — Знаете, а ведь это вполне может подождать до утра.

Он делает шаг и расстояние между нами сокращается. Мои пальцы слабеют и в этой тишине звук упавшей на пол папки кажется очень громким. Еще шаг — и он совсем близко, настлько, что я ощущаю жар, исходящий от него.

Я отступила назад, но уперлась спиной в шкаф. Никакого “назад” у меня не было...

Дмитрий Викторович прижался ко мне, не встретив никакого сопротивления. Ухватил меня за запястья и поднял мои руки вверх. Теперь я не могла удерживать полотенце, и оно опало, открывая мое тело на обозрение. Так и свисало по сторонам, зажатое между мной и шкафом.

— Дмитрий Викторович, не надо... — жалко пролепетала я, скованная его темным, горящим желанием взглядом. Его зрачки расширились настолько, что казалось, полностью заполнили радужку.

Я даже дышать боялась, чтобы моя грудь лишний раз не касалась его рубашки. Я и без того, ощущала кожей, как сильно бьется его сердце, но мое билось в сотни раз сильнее.

— Ты ведь тоже хочешь этого, — тыльной стороной ладони он мягко провел по моей щеке. — Твое тело откликается на каждую мою ласку, — ладонь скользнула на шею, очертила грудь, погладила талию, а я судорожно втянула воздух в приоткрытый рот.

— Вам просто кажется, Дмитрий Викторович. — все-таки сумела я произнести, хотя разум мой уже отключался, потому что своевольная ладонь переместилась мне на бедро.

— Нет, Инна. Ты ошибаешься. На самом деле ты давно сходишь по мне с ума.

Его губы властно, требовательно накрыли мои, не дав мне и шанса на возражения. Этот поцелуй затапливал, вынуждал отключить все мысли и поддаться чувствам, что уже давно завладели телом. Его проворный язык мягко, но настойчиво приоткрыл мой рот, а я громко застонала, включаясь в эту страстную игру.

Сильные пальцы сжимали талию, не причиняя боль, но я ощущала себя в этих крепких объятиях слово в надежных руках. Будто между целым опасным миром и мной сейчас стояла нерушимая стена, которая защищала меня от всех невзгод и неприятностей. То, что сейчас происходило, казалось мне самым правильным, самым лучшим, что могло произойти...

Мои губы сминали. Мужчина удерживал меня, а я гладила его широкие плечи, мощную грудь, пробираясь к пуговицам рубашки. Кто вообще придумал эти чертовы пуговицы? Зачем скрывать такое красивое тело?

Я честно пыталась расстегивать пластмассовые кругляши, но отвечая на жаркие поцелуи, наощупь делать это получалось плохо. Разочаровано стонала, когда пуговицы не поддавались моему напору, но тут же громко вскрикивала, едва ладони начальника с силой сжимали мою

грудь, слегка задевая большими пальцами возбужденные горошины сосков.

Послав все к черту, я рванула его рубашку, с удовольствием услышав звук рвущейся ткани. Ладони блуждали по его груди, спине, а короткие ногти с удовольствием впивались в податливую плоть. Мужчина буквально рычал мне в рот, до боли прикусывая мои губы, игриво схватывая зубами подбородок. Я изнывала от желания, кружась в невероятном водовороте чувств. Не думала, что могу так откликаться на ласку.

Ноги уже не держали. Подхватив меня на руки, начальник переместил мое безвольное тело на кровать, нависая сверху так угрожающе и... Невыносимо желанно. Я обнимала его шею, запутываясь пальцами в коротких волосах на затылке, а он опускался все ниже, целуя ключицы, грудь, лаская губами подрагивающий живот.

Его руки гладили бедра, разводили мои ноги в стороны, раскрывая для себя. Я краснела, бледнела, сминала покрывало пальцами, но все равно вздрогнула, когда его губы накрыли лоно мягким поцелуем. Короткие поцелуи слишком быстро сменились движениями языком, который напористо изучал влажные складки, играя с горошиной клитора. Каждое касание, словно электрический ток — разносилось по венам потоками жгучей лавы.

Нестерпимо хотелось свести ноги вместе, но мне не давали, крепко удерживая ягодицы. Я выгибалась в спине, стонала, металась по постели, собирая руками покрывало. Мурашки бегали по коже и казалось, что мечутся даже внутри, собираясь огненным вихрем где-то в самом низу живота. Мышцы сжимались, и я уже ощущала, что вот-вот взорвусь в оргазме, но тут босс резко прекратил свою сладкую пытку.

— Нет! — застонала в отчаянии, но горячее тело вмиг накрыло меня, сжимая в объятиях.

Член коснулся лона, головка погладила складки, раздвигая их, и рывком проникла внутрь, погружаясь на всю длину. Каждое движение, каждый толчок сопровождался поцелуями. Одна ладонь по-прежнему гладила мою талию, тогда как пальцы второй запутались в моих волосах, удерживая затылок.

Толчки увеличивались, ускоряли свой темп, а все внутри меня сжималось и я уже не могла контролировать собственное тело.

— Да... — скорее всхлип, чем слово.

Мир взорвался, заискрился всеми гранями, словно бриллиант на свету. Ногти впивались в его плечи, царапали широкую спину, а я кричала, выпуская все чувства, делясь всеми эмоциями, что скопились внутри.

Не контролируя свою страсть, он впился зубами мне в плечо, но я даже не почувствовала боли. Ощущала, как изливается прямо в меня. Толчки замедлялись, а я не могла надышаться. Надышаться им...

...Я открыла глаза и застонала. Ну конечно. Опять тот же сон. Стоило мне задремать на кровати — и вот пожалуйста. Я приподнялась на локтях. Раз уж проснулась — нужно встать и высушить волосы, как я и собиралась. Кажется, я задремала совсем ненадолго и они еще не успели превратиться в мочалку.

Но, увы, судьба явно была против моей прически. Не успела я включить фен, как в дверь снова

постучали.

Глава 10

Стук в дверь напугал меня невероятно. Да что же это такое?! Никакого покоя! То снится всякое, то теперь наяву кто-то ломится в мой номер!

Я на цыпочках подошла к двери и тихонько спросила:

— Кто?

— Инна, простите за столь позднее вторжение, я надеялся, что вы еще не спите, но...

Дмитрий Викторович. Ну, конечно, если он сейчас скажет, что ему нужна папка с документами, я скажу, что не одета и уже сплю и ни за что, ни за что не открою дверь! Потерпит он до утра без своих документов.

Трудоголик! Извращенец! Маньяк!

Так, стоп! Кажется, я что-то путаю. Маньяк и извращенец — это тот, который приходит ко мне во снах.

Живой и настоящий Дмитрий Викторович к этому не имеет никакого отношения. И что же ему теперь нужно?

— У вас в сумочке... — начал он.

Ну вот, начинается! Я уже готова была дать отпор, но босс продолжил:

— ...Ключ от моего номера. Вы оба ключа положили к себе.

Черт, а ведь и правда. Положила. И совершенно забыла об этом.

— Я хотел взять у администратора запасной, но он потребовал паспорт или права, а они в номере. Я не хотел вас будить, но...

Нет, ну это уж точно не какие-то там документы, а вполне себе уважительная причина. Оставить босса ночевать на коврик в гостинице только из-за того, что мне снится всякая ерунда, — это нарушение любой корпоративной этики. Но и впускать его в номер после всего того, что у нас только что было, то есть, конечно, не было... но... Ладно, не важно. Впускать его я тоже не собиралась.

Я быстро извлекла ключ из сумочки, приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы туда проскользнула ладонь, и протянула связку.

Дмитрий Викторович после короткой заминки взял ключи из моих рук и тут (меня прошибло током от макушки до пяток через позвоночник!) на мгновение дольше, чем следовало, задержал мою руку в своей. Как только его пальцы перестали держать мои, я тут же убрала руку и захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной, и еще несколько минут не могла отдышаться.

— Спасибо большое, вы меня очень выручили, — раздалось из-за двери.

— Да что вы, ерунда... — пробормотала я, — извините, но я уже сплю.

Звук его шагов, заглушаемый ковром, стал удаляться. Да что это такое происходит? Почему я так на него реагирую? Откуда эти дурацкие сны? Может, он какой-нибудь колдун или вообще инкуб? А что, навел на меня порчу, или приворот, или... Боже, какая чушь в голову лезет на ночь глядя!

Просто глупые сны. Мы целые дни проводим вместе, вот я и реагирую так странно.

И ничего он не удерживал мою руку, просто покрепче ухватил ключи, чтобы не упали.

Я хотела улечься спать, но теперь сон уже не шел. А вдруг опять во сне явится Дмитрий Викторович? Впрочем, надо признать: то, что происходит, когда он мне снится, мне даже нравится. Дмитрий Викторович — не тот, который настоящий, про настоящего я таких подробностей не знаю, а тот, который снится, — отличный любовник.

Спать не хотелось совсем. Я высушила волосы, приготовила наряд на завтра. На этот раз туфли на низком ходу: соревноваться с Элеонорой за звание мисс эффектность этого городка я точно не собиралась. А потом надела пижаму, вытянулась на кровати, достала телефон и начала вводить в строку поисковика: «Почему постоянно снится секс с одним и тем же человеком».

Версий было огромное множество: от сексуальной неудовлетворенности до уверений какой-то там потомственной шаманки, что это моя кармическая задача. Но в чем большинство источников — от сверхнаучных до сверхшаманских — были солидарны, так это в том, что рекомендовали осуществить эротический сон наяву, чтобы навсегда от него избавиться.

Да уж, вот обрадуется Дмитрий Викторович, если я явлюсь к нему с таким предложением. Я представила себе, как я подхожу к шефу, срываю с себя блузку, начинаю медленно расстегивать пуговицы на его рубашке, а на возмущенные возгласы отвечаю:

— Потерпите, пожалуйста, это только на один раз, в лечебных целях. Так в интернете пишут...

Я отложила в сторону телефон. Похоже, никаких толковых советов мне не дадут. Ну что, Дмитрий Викторович, если мы сейчас снова встретимся в интимной обстановке, будьте, пожалуйста, нежны...

Глава 11

В эту ночь мне больше так ничего и не приснилось. Дмитрий Викторович не являлся, не срывал с меня одежду, не сминал мои губы крышесносным поцелуем, не врывался в меня так отчаянно и дико... Видимо, тому «сонному» Дмитрию Викторовичу тоже требовался отдых.

А вот настоящий уже стучал в дверь:

— Инна, я жду вас уже пятнадцать минут. Мы опоздаем.

Я взглянула на часы и взвилась на кровати: проспала, впервые в жизни проспала!

— Одну минуточку, — громко кричала я через дверь, одновременно плеская себе водой в лицо и нащупывая расческу. — Я сейчас!

Быстро набросив на себя приготовленную одежду, я наскоро подкрасила губы и пулей вылетела из гостиничного номера. И... тут же всем телом впечаталась в рельефный торс Дмитрия Викторовича.

— Ой! — вскрикнула я и отшатнулась. И обязательно бы упала, если бы он меня не придержал.

— Инна! Вы твердо стоите на ногах? — спросил он, продолжая меня удерживать.

А я не знала, что ответить. Потому что на ногах я стояла совершенно нетвердо. Более того, они подкашивались, а дыхание сбилось. В любом другом случае нелепая сложившаяся ситуация «я падаю, босс меня придерживает» не показалась бы мне ни двусмысленной, ни даже вообще провокационной. Но после всего что между нами было... Я покраснела до корней волос и стала неловко выбираться из его крепких объятий.

— Все хорошо... Извините... — бормотала я, не осмеливаясь поднять на него взгляд, а когда осмелилась и подняла, все стало еще хуже. — Ой... У вас тут...

Помада, которую я только что наносила на губы, теперь ярким пятном отпечаталась на белоснежной рубашке босса.

— И как же теперь быть? — спросила я, указывая на компрометирующую деталь.

— Никак, — ответил Дмитрий Викторович. — Машина нас уже ждет. В программе — завтрак и осмотр местных достопримечательностей.

— Достопримечательностей? — удивилась я.

— Точно! В экскурсионной программе: бухгалтерия, офисы, производственные помещения и склады.

Ах вот оно что. Я улыбнулась. А этот, дневной, Дмитрий Викторович — шутник. Это ночному не до шуток.

В общем, он исчерпывающе описал нашу сегодняшнюю программу. Единственное, о чем он не удосужился меня предупредить, так это о том, что наш завтрак будет проходить в компании вездесущей Элеоноры.

И теперь мы сидели напротив нее: я — помятая и не выспавшаяся, и начальник с отпечатком помады на рубашке.

Мне казалось, что сейчас она просто испепелит кого-нибудь из нас взглядом. Меня так точно.

Сама же Элеонора выглядела безупречно — так, словно не коньяк вчера хлестала бокалами, а пила одну только минеральную воду.

— Ну что, вы готовы, Дмитрий Викторович? — спросила она, когда завтрак был завершен. — Наш филиал полностью в вашем распоряжении.

Она поправила юбку на бедрах таким жестом, словно хотела показать, что она тоже часть филиала, и ею тоже можно как-нибудь распорядиться. Вот же настырная! Неужели вчерашнего нашего откровенного побега ей было мало, чтобы понять: здесь ей совсем ничего не светит?

А потом закрутилось: вот мы встречаемся с сотрудниками и Дмитрий Викторович задает им вопросы. Вот мы сидим в приемной и Дмитрий Викторович внимательно рассматривает какие-то бумаги. Вот мы в одном цеху, в другом цеху, в третьем цеху... Вот я уже валюсь с ног от усталости, а Дмитрий Викторович все еще бодр и сосредоточен. Где там у него батарейка

вставлена, у этого терминатора? Когда он успеет ее поменять? А еще как он умудрится все помнить и быть в курсе всего? Утром в одном разговоре промелькнула цифра — а вот уже он этой цифрой заканчивает неудобный вопрос краснеющему директору филиала.

Да уж, стоит ли удивляться, что все с опаской относились к боссу? Такого человека надо бояться — как бы мило он ни улыбался и какие бы приятные вещи ни говорил.

Но какой бы долгой ни была проверка, она все-таки подошла к концу.

— Ну что, после такого трудного дня нужно поужинать? — заискивающе улыбаясь, предложил директор филиала.

Я на всякий случай испуганно сжалась. Если ужин будет такой же, как и вчера, есть все шансы, что я его просто не переживу. Но к счастью, Дмитрий Викторович ответил:

— Прошу прощения, но мы с Инной уже договорились поужинать в гостинице. День был трудный — просто закажем еду в номер. А завтра продолжим...

Кажется, директор не был готов к такому повороту.

— Ну как вам наш филиал? — было видно, что он очень нервничает. Слишком.

Нет, конечно, все нервничают во время проверок. Но пир горой, такое настойчивое внимание, и крупные капли пота, которые ползут по лбу руководителя, хотя день в общем-то довольно прохладный... Я не удивлюсь, если что-то с этим филиалом не так.

Стоп. Что только что сказал мой босс? «Закажем еду в номер?» Это в какой такой еще номер?

Стоило нам отойти в сторону, как я тут же шепотом спросила:

— Что вы там ему наврали про ужин?

— Почему это сразу наврал? — посмотрел на Дмитрий Викторович. — Мы действительно поужинаем в номере. Я уже сделал заказ.

Я собиралась возмутиться такому самоуправству, но он уже объяснял:

— Прошу прощения, но на то, чтобы осмотреть город и посидеть в каком-то тихом местечке у нас с вами не будет времени. Ужинать придется быстро.

Он с видом фокусника достал из кармана связку ключей.

— Что это? — спросила я.

— Ключи от склада. Мне их любезно дал один очень ответственный человек, которому кажется, что здесь что-то нечисто. Я уверен: на складе есть неучтенная продукция, которая по бухгалтерии никак не проходит. Так что сразу после ужина мы с вами это и проверим.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно. Дождемся, пока стемнеет, и проберемся. Код от сигнализации я знаю. Это отличная возможность увидеть все своими глазами, да еще и в отсутствие тех, кто мешается под ногами...

Я опешила. Вот как значит проходят проверки в исполнении Дмитрия Викторовича.

— Ну как, вы со мной? Если боитесь, можете остаться в номере.

— Ну что вы, с вами я ничего не боюсь, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать, что я несу.

Он посмотрел на меня долгим странным взглядом, который я не рискнула бы расшифровывать. Действительно, это прозвучало как-то слишком лично, поэтому я тут же торопливо добавила:

— В детстве я мечтала стать шпионом. Ходить в разведку, выполнять спецзадания, работая на государство, но... как-то не сложилось.

— Прекрасно, — обрадовался босс. — Вот сегодня и попробуете себя на тайном задании.

Дмитрий Викторович отправился к себе наверх, а я — к себе: переодеться в джинсы и кроссовки — самую удобную форму одежды для дальних перелетов и, как выяснилось, для шпионской деятельности.

Глава 12

Когда я спустя пятнадцать минут поднялась в номер к боссу, круглый столик был уже сервирован и накрыт. Я осмотрелась по сторонам. Полулюкс выглядел ничуть не хуже, чем на фото на сайте, когда я его резервировала. Небольшая, но уютная гостиная с картинами и евроремонт. Дверь ведущая в спальню приоткрыта, и сквозь дверной проем видна большая кровать, обильно усыпанная декоративными подушками.

— Осматриваетесь? — шепнул босс совсем рядом, а я вздрогнула. Шея вмиг покрылась мурашками.

Черт. Ну вот, теперь он видел, как я сую свой любопытный нос в его практически личную жизнь. Хотя, он должен это ценить. Мои способности к шпионской деятельности нам еще ой как пригодятся.

— Вообще-то я собирался заказать на ужин немного вина, но передумал, ведь нам нужно сохранять трезвость мышления.

Я согласно кивнула. Откровенно говоря, в последнее время я и трезвая совсем неадекватно реагирую на босса, так что отсутствию алкоголя искренне обрадовалась. Но Дмитрий Викторович поспешил меня «успокоить»:

— Зато по итогам нашей акции сможем откупорить бутылочку шампанского.

Я искренне улыбнулась, почему-то засмутившись, как школьница на первом свидании. Теперь мы сидели с ним друг напротив друга, и всякий раз, когда я поднимала взгляд от тарелки — сталкивалась с его темным взором: пристальным, изучающим, заинтересованным, пробирающим до самых костей, а может и глубже. И всякий раз думала: что это, на самом деле? Может быть, я ему нравлюсь? Но скорее всего, смотрит он на меня обычно, как и всегда, а мне просто мерещится всякое. Хоть не спи совсем, чтобы не сойти с ума.

Я неловко повернулась, хоть и старалась вести себя естественно, но вилка с громким стуком упала со стола. Гулко выдохнула, краснея еще больше. Ощущала, что пылают даже уши, так было неудобно.

— Я подниму, — торопливо проговорила я и ужом нырнула под стол, чтобы неловко нос к носу столкнуться там с боссом. В такие минуты как эта, я искренне начинаю думать, что он мог бы быть чуть менее галантен.

Оказывается, это трудно — нащупать юркую вилку под столом. Особенно если там не так уж светло и, пытаясь найти столовый прибор, ты то встречаешься пальцами с теплой рукой своего босса, то снова сталкиваешься с ним лбами.

Мое сердце стучало как бешеное, подступая к самому горлу. Я боялась, что Дмитрий Викторович сейчас услышит его громкий стук. Никогда, никогда не возьму больше в руки вилку! Буду есть ложками или руками — если только выберусь из-под этого проклятого стола.

Когда несчастная вилка была найдена, и мы снова выбрались на поверхность, щеки мои могли по цвету посоревноваться как с ушами, так и с областью декольте и шеей. Огнем пылало буквально все, а меня саму немного потряхивало. Больше я уже не поднимала взгляд на Дмитрия Викторовича, быстро разделалась со своей порцией и буркнула себе под нос:

— Ну что, нам пора?

— Конечно. Кажется, уже достаточно стемнело.

Что-то в его голосе было такое, что по моему телу вновь побежали колкие мурашки, впиваясь в кожу тысячами острых игл. Дышала через раз и почему-то хотелось свести ноги вместе, будто это могло облегчить мои мучения. Этот бархатный, но вместе с тем сильный голос пробирался в мои сны, слышался наяву даже тогда, когда Дмитрия Викторовича не было рядом. Так не кстати вспомнила его шепот — совсем близко от моей шеи. Так близко, что он вполне мог бы прикоснуться к ней губами, но, наверное, тогда бы я точно умерла. Получила разрыв сердца лишь от одного касания.

Понимала ли я, что схожу с ума? Более, чем отчетливо. Остро чувствовала, как дыхание становится порывистым, горячим, а где-то внутри все нарастает и нарастает щеколка, вынуждающая мышцы болезненно сжиматься. Именно сейчас таким острым становится его аромат, витающий в этой комнате. Терпкий парфюм, что щеколет ноздри, проникая в легкие, оседая там сладостью и желанием вдохнуть еще глубже, еще чаще. Запах словно обнимает, а я не понимаю откуда взялись эти мысли. Они будто не мои — чужие, запретные, ненастоящие.

Как и сны, в которых мы вместе.

Я вылетела из номера босса так, будто там начинался самый настоящий пожар. Не знаю, что начальник обо мне теперь думает, но находиться там больше не могла. Понимала, что остро нуждаюсь в свежем воздухе. Надо все-таки как-то держать себя в руках. И обязательно позвонить Вадику. Да, позвонить Вадику — это отличная идея. А то из-за этих снов я уже начинаю забывать, что у меня есть жених, который меня любит. И я... Я тоже его люблю. Ведь люблю же, да?

Глава 13

Склад был неподалеку. Мы доехали до него в такси. В этот раз, к счастью, поездка не вызвала прежней неловкости. Дмитрий Викторович беспечно болтал, рассказывая забавные истории о предыдущих проверках. Теперь понятно, почему он их так любит — в его исполнении это звучало как выступление комика.

Я хохотала всю дорогу, и неловкость, возникшая было из-за всех этих приключений под столом, растворилась в воздухе, словно бы ее и не существовало. Нет, я определенно все усложняю. У нас с Дмитрием Викторовичем — исключительно деловые отношения, и то, что он такой симпатичный, галантный, умный, сильный, находчивый, веселый и вообще во всех отношениях приятный мужчина — ничего в этом не меняет. Вот и отлично!

— Выходим! — скомандовал Дмитрий Викторович, когда такси остановилось возле невзрачного здания.

— А что, склад никто не охраняет? Ну, там, сторож с собаками и с ружьем... — мысль о ружье и о зубастых овчарках заставила меня поежиться.

— Инночка, вы говорите так, словно приехали сюда на экскурсию из прошлого века. Сейчас склады охраняют не собаки со сторожами, а вневедомственная охрана. И поверьте, эти бравые ребята дадут фору любому бультерьеру.

Я почему-то представила, как на меня бросается молодой широкоплечий охранник и пытается покусать. Эта мысль заставила меня нервно хихикнуть.

— Не волнуйтесь, — поспешил меня успокоить Дмитрий Викторович. — Тем, кто знает код, эти ребята не страшны. Ну что, идем?

Теперь-то уж точно отказываться поздно, и я храбро направилась к двери. В конце концов, если нас вдруг поймают, отвечать за все буду не я, а непосредственный организатор незаконного проникновения.

Все оказалось не так сложно: код подошел, лампочка помигала и с приятным звуком перестала, ясно давая понять, что мы на этом складе — желанные гости. Ключи тоже подошли, так что без особых приключений мы оказались внутри. А вот когда дверь за нами со зловещим грохотом закрылась, помещение погрузилось в кромешную тьму. Я непроизвольно вздрогнула.

— Ничего не бойтесь, — Дмитрий Викторович придержал меня за плечи, видно, чтобы я не грохнулась в обморок. Зря он это. Темноты я не очень боюсь — да что там не очень, вообще не боюсь. А вот Дмитрия Викторовича, который в темноте обнимает меня за плечи — очень даже опасаясь. Притом не столько его, сколько самой себя и своей на него ненормальной реакции.

— Идемте, — он мягко увлек меня за талию куда-то в глубину темноты. — Не бойтесь, я вас держу, не потеряетесь.

Ох, Дмитрий Викторович, знали бы вы, чего я опасаясь на самом деле — не держали бы меня сейчас вот так вот близко. На какое-то время я словно потеряла ориентацию в пространстве. Просто выпала из реальности. Темнота, одуряющий запах уже такого знакомого парфюма, ровное дыхание совсем рядом и сильная рука у меня на талии — словно бы мы сейчас из реальности перенеслись в тот самый мой сон. И в следующее мгновение на мою талию свободно ляжет вторая его рука. Он прижмет меня к себе так властно и щемяще нежно, что закружится голова и я не смогу стоять на ногах, а его мягкие губы найдут мои...

— Ну вот, нашел, — радостно объявил Дмитрий Викторович, и в следующее мгновение вспыхнул тусклый свет, развеяв неизвестно откуда взявшееся наваждение.

— Да, здорово, теперь намного лучше... — осипшим голосом нервно проговорила я.

Дмитрий Викторович снова окинул меня своим странным взглядом — таким, будто бы он

отлично знал, о чем я сейчас думала и что себе фантазировала, и с удовольствием наблюдал на моем лице следы явного смущения.

— Ну что, приступаем к работе! — радостно объявил он. — Для начала, пересчитаем коробки с вот этой маркировкой. Вы берете левую сторону, я — правую. Задача ясна? — с шутливой строгостью спросил он.

— Да, мой генерал! — ответила я ему в тон, скрывая смущение, и шустро двинулась считать коробки. Это было очень кстати. Прерывисто дышать и краснеть лучше в некотором отдалении от Дмитрия Викторовича.

Ох, нелегкая это работа — проводить обыски на складах. Мы были там часа три, а я уже умаялась. Глаза устали вглядываться в цифры, несколько раз приходилось начинать пересчет с самого начала — потому что после «сто пятьдесят восемь, сто пятьдесят девять» у меня почему-то шло «сто пятьдесят десять». Поэтому, когда Дмитрий Викторович удовлетворенно объявил: «Ну вот, что и требовалось доказать!» — я обессиленно упала на какой-то не слишком мягкий тюк с твердым намерением не двигаться с места. Ну по крайней мере, в ближайшие несколько месяцев точно.

— Устали? — он опустил рядом и поправил прядку у меня на лице, одним мягким движением заправляя мне ее за ухо.

Ну как вам сказать, Дмитрий Викторович... Секунду назад я бы ответила на этот вопрос очень даже утвердительно, если бы, конечно, вообще смогла ворочать языком. Но этот ваш жест устроил такую адреналиновую встряску моему организму, что об усталости говорить теперь поздно. Совсем поздно. Сердце колотится, стараясь выпрыгнуть из груди, а по телу разливается жар, и я готова бежать на край света, чтобы только не тонуть в этих темно-зеленых глазах.

— Терпимо, — сказала я вместо этого. — Но боюсь, на шампанское моих сил сегодня не хватит. Только на то, чтобы упасть в кровать. Можно даже не раздеваясь. — почему-то буркнула я в последнюю секунду.

Да что же это такое? Совершенно невинное замечание о самом обычном ночном сне сейчас, когда рядом Дмитрий Викторович, видится мне чем-то чудовищно непристойным. Прямо-таки порнографией какой-то.

— Пойдемте, — он помог мне подняться. Лучше бы не помогал. Знал бы он, что от его прикосновений у меня буквально подкашиваются ноги, а руки начинают мелко дрожать.

Мы выключили свет, дошли до двери, Дмитрий Викторович уверенно потянул ее на себя, потом еще раз... и еще раз... и еще раз... а потом растерянно сказал, в кромешной тьме:

— Кажется, она захлопнулась.

Глава 14

— Что значит — она захлопнулась? Как она могла захлопнуться? Нужно ее как-то открыть! — я почувствовала, как внутри все холодеет, а ко мне медленно подступает паника. Вот я знала, знала, что ничем хорошим эта вылазка не закончится...

— Ну... Так вышло, — Дмитрий Викторович смотрел на меня виновато, указывая мне на дверь. — Видите, здесь два замка: один открывается ключом, изнутри и снаружи, а второй —

только снаружи. Я вроде бы поставил его на предохранитель, чтобы не захлопнулся, а он почему-то... — Дмитрий Викторович внимательно изучал дверь, но кажется, ничего утешительного там не обнаруживал. — Боюсь, отсюда мы ее не откроем, — наконец озвучил он то, что я и так уже поняла, но принимать не желала.

— А кто откроет? — нервничала я еще больше.

Мне уже мерещился директор филиала, который, злобно ухмыляясь, запускает в какое-нибудь отверстие ядовитый газ и с особой жестокостью избавляется от непрошенных проверяющих.

— Не переживайте, кладовщик придет утром и откроет.

— А он не удивится, что мы тут?

Дмитрий Викторович сказал, пожимая плечами:

— Конечно лучше было бы этого избежать... Но в сложившихся обстоятельствах, это уже не так важно.

Понятно. Теперь, когда все козыри у него на руках, совсем неважно, кто и что о нем подумает. Главное то, что мы уже увидели все собственными глазами.

— Может быть, попробовать как-то дверь взломать? — неуверенно предложила я.

— А потом всю ночь стеречь ее, чтобы никто не разворовал имущество концерна?

Ну да, как-то я об этом не подумала... Быть бесплатной охраной, да еще и ночью, совсем не хотелось. К тому же мой босс, конечно же, мужчина крепкий и сильный, но все-таки не терминатор и не супермен.

— У меня есть идея получше, — задумчиво произнес Дмитрий Викторович, доставая телефон и набирая чей-то номер. — Алексей? Добрый вечер. Прости, что так поздно... но тут такая неловкая ситуация. Дверь на складе захлопнулась. Ты не мог бы подъехать и нас отсюда выпустить? Нас — это меня и... — он посмотрел на меня взглядом, который я не смогла расшифровать. — ...ну, в общем, нас. Нет времени на разговоры...

Невидимый мне Алексей долго что-то объяснял, а Дмитрий Викторович недовольно хмурился, и мне это совсем не нравилось.

— Хорошо, договорились. Жду. — закончил он эту беседу, и я с надеждой воззрилась на него.

— Он, к сожалению, сейчас за городом.

— Далеко? — сразу же уточнила я. Вернуться из-за города — это час-другой, наверное. В принципе, можно и потерпеть.

Дмитрий Викторович поморщился.

— Вообще-то он выпил. И за руль сядет только утром. Но он твердо обещал к семи сюда доехать и нас выпустить. А кладовщик придет только в девять. Так что, если повезет, мы исчезнем незамеченными, и наша находка станет для всех большим и крайне неприятным сюрпризом.

Я уже хотела возмутиться. Его только эта чертова работа и интересует! А то, что уставшая

девушка оказывается заперта на складе, в котором нет ни душа, ни кровати, о которых она мечтала все последние часы, это его уже не волнует.

Дмитрий Викторович посмотрел на меня жалобным взглядом.

— Инна, я вам обещаю. Все неудобства и неурядицы этой поездки будут компенсированы хорошими премиальными.

Я глубоко вздохнула. А нервы, потраченные этой ночью, мне кто компенсирует? От того, что мы с боссом оказались заперты в одном помещении, пусть даже и большом, было как-то неловко. Хотя, собственно, чего мне бояться? Дмитрий Викторович — человек серьезный и надежный, и уж точно рядом с ним я в полной безопасности.

— Хорошо. Давайте ждать утра, — гулко выдохнув, согласилась я. — Надеюсь, что здесь не бегают огромные зубастые крысы с такими мерзкими длинными хвостами.

Дмитрий Викторович посмотрел на часы.

— До утра еще шесть часов. Думаю, нам не нужно ждать — нужно постараться уснуть, чтобы они прошли быстрее.

Ну уж нет, уснуть в такой ситуации я точно не смогу!

— Нет, давайте просто посидим и подождем. Тем более, что спать тут особенно негде. — осмотрелась я по сторонам.

— Хорошо, — легко согласился босс. По-моему, его устраивал любой вариант времяпровождения, лишь бы я в ужасе не кричала: «Выпустите меня отсюда!» и не молотила кулаками в железную дверь.

Он быстро организовал вполне сносные сидячие места, найдя несколько тюков помягче и расположив их рядом. Как ни странно, на своем я смогла усесться-улечься с относительным комфортом. А что, сейчас даже продают такую мебель — мешок, набитый всякой ерундой. Выглядит, конечно, странно, зато разместиться на нем можно с большим удобством — что я, собственно, и сделала.

Дмитрий Викторович устроился рядом. Сначала мне даже показалось, что слишком близко, но я тут же себя одернула. В полумраке этого склада, когда из темных углов начинают слышаться шорохи, лучше держаться друг к другу поближе. По крайней мере, не так страшно. Да и крысы опять же...

Впрочем, я очень быстро забыла о том, что мы оказались в ловушке, и это была целиком и полностью заслуга моего босса. Он вел беседу с такой легкой непринужденностью, словно мы сидели в чил-ауте какого-нибудь модного клуба.

Он спрашивал меня о моей жизни, рассказывал о своей, вспоминал истории. Мы запросто могли бы проговорить так до самого утра. Но где-то через час мой организм, измученный шпионской деятельностью и подсчетом тюков, сказал: «Я сдаюсь». Я начала зевать и, кажется, задремала.

Проснулась я уже привычно: тесно прижавшись к Дмитрию Викторовичу. Выглядело так, как будто, озябнув, я инстинктивно перебралась к нему, нащупав что-то большое и теплое. Устроила голову у него на плече, прижалась потеснее и спокойно уснула.

Все ясно. Опять тот же сон. Хоть ты вообще спать не ложишься.

Только на этот раз все иначе — не так как в предыдущих снах. Дмитрий Викторович не срывает с меня одежду, не берет грубо и страстно. Это я приподнимаю голову. Смотрю на него и тянусь губами к его губам, мягко касаюсь, потом еще и еще. Захватываю нижнюю, осторожно тяну, сладко посасывая. Ловлю его дыхание, касаясь ладонью щеки. Очерчиваю иголки щетины до тех пор, пока мы оба не сливаемся в поцелуе.

Глава 15

Он мягко отвечает, будто боится спугнуть. Его губы осторожно ловят мои, а горячая ладонь гладит спину. Ее жар я ощущаю даже сквозь ткань.

Я наслаждаюсь каждым мгновением. Впитываю каждое касание. Удерживаю его шею двумя руками, с наслаждением вдыхая терпкий парфюм. Веки закрываются от удовольствия. Медлительность движений позволяет дышать полной грудью, но сердце заходится, ударяется о грудную клетку в желании встретиться с другим — таким же любящим.

Его руки забираются под мою кофту, ладони скользят по спине, а я выгибаюсь ему навстречу, уже не владея собой. Ласковые касания сменяются короткими порывистыми поцелуями. Губы, щеки, веки, нос — все подвергается неумолимому натиску, а я улыбаюсь, потому что так хорошо... Действительно хорошо.

Губы вновь встречаются и мягкость исчезает. Проворный язык изучает мой рот, сталкивается с моим, захватывая в невероятный танец. Я добровольная пленница наших желаний. Громкий стон удовольствия вырывается непроизвольно, но гаснет... А я задыхаюсь, порывисто дышу, но уже не могу остановиться, это делает начальник.

Он с трудом отрывается от моих губ, шепотом выдыхает:

— Инна...

Дмитрий Викторович вновь принимается покрывать поцелуями мое лицо, давая мне небольшую передышку. Секунды на то, чтобы прийти в себя или окончательно уплыть, поддаться тайфуну из эмоций и ощущений. Щеки, глаза, губы, снова щеки... Лишь бы не останавливался.

Его пальцы вплетаются в мои волосы, слегка сжимают, намекая на то, что я в его власти. Но при этом в каждом его действии, в каждом касании столько нежности, столько любви, что сердце болезненно сжимается и хочется плакать. От счастья — от того, что происходит прямо сейчас. А еще от того, что все это всего лишь сон, и на самом деле в мире нет никого, кто мог бы целовать меня вот так — с невероятной любовью, трепетно, но с такой страстью, словно у него в жизни нет никого и ничего желаннее и ценнее, чем я.

Но даже если это только сон, наваждение... Почему я не могу этим воспользоваться? Кратковременная иллюзия любви, которую зачем-то подарило мне мое подсознание. И я ведь могу с благодарностью принять этот подарок! Всего лишь раз могу сделать так, как хочу именно я!

Мои пальцы беспрепятственно забираются ему под рубашку. Гладят горячую кожу, наслаждаясь упругой рельефностью мускулов, добиваются до чувствительных горошин сосков — и я ловлю губами страстный вздох, и от этого завожусь еще больше.

Медленно, томно расстегиваю пуговку за пуговкой, желая прижаться губами к этому телу,

ощутить его чуть солоноватый вкус. Рубашка распахнута, а я наклоняюсь, целую подбородок, провожу языком по его шее, пробуя, смакуя. Вычерчиваю дорожку, ощущая губами ключицы, мощную грудь, и понимаю, что делаю все правильно, потому что судорожный вздох становится мне наградой, маяком, который ведет все дальше.

Языком играю с горошинами сосков. Чуть прихватываю зубами, тогда как хочется прикусить, потому что мое, только мое — сейчас и здесь в этом чертовом сне. Его руки лежат на моей талии, сжимают при каждом моем движении, а я спускаюсь все ниже, собираясь добраться до самого главного. Царапаю ногтями торс, считаю кубики, довольно улыбаясь. Снова нахожу его губы и снова целую, задыхаясь от нежности. Моя рука соскальзывает вниз — к пряжке ремня. Пальцы не слушаются, но остановить себя уже не в силах.

— Инна... Вы уверены? — эти слова явно даются ему с трудом, да любые слова сейчас давались бы с трудом, ведь для этого нужно разрывать поцелуй, который кажется невероятной необходимостью, величайшей потребностью.

— Конечно... — я тихонько смеюсь, крепче прижимаясь к нему. — Это ведь просто сон. Во сне можно всё...

Я снова его целую. Никаких сомнений! Наяву поцелуи не бывают такими восхитительными, такими желанными, страстными и одновременно нежными.

— Нет, Инна, — он нехотя отстраняет меня и смотрит в глаза. — Это точно происходит наяву. Даже не сомневайтесь. Я лучше знаю.

Я снова смеюсь. Ну и глупый же! Наяву он гораздо умнее.

Я целую его в щеку, коротко и нежно.

— Босс знает лучше, да? — улыбка не сходит с губ. — Ну подумайте сами, Дмитрий Викторович: мы пошли инспектировать склад ночью, считали тут коробки, оказались заперты, и вместо того, чтобы вызывать МЧС — улеглись спать прямо на тюках с продукцией. Такое может быть только в очень дурацком сне!

Кажется, он немного переменялся в лице.

— Нет, вы не подумайте... Все что было потом уже не дурацкое... — попыталась я спасти ситуацию. — Это...

Черт, в предыдущих снах все было проще. Там Дмитрий Викторович не пытался вести со мной беседы, а сразу срывал одежду и мы окунались в пучину страсти. Почему же сейчас он ведет себя так нетипично?

Ох ты ж черт!.. Догадка, которая меня озарила, была ужасна.

— Инна, это не сон, — снова глухо повторил Дмитрий Викторович.

И я почувствовала, как медленно сползаю по тюку вниз, на пол — куда-нибудь туда, где я могу спрятаться от его взгляда — серьезного и уверенного.

Этот Дмитрий Викторович не станет срывать с меня одежду и забрасывать мои ноги к себе на плечи. Потому что сейчас он говорит чистую правду. Это совсем не сон. Mamochki... как же я

вляпалась!

Глава 16

Мысли кружились вереницей — одна другой ужаснее. Все, что случилось, теперь выглядело совершенно в другом свете. А ведь он спал... Это я первая начала, я перебралась к нему и прижалась во сне, я сама его поцеловала — и целовала до тех пор, пока он не откликнулся.

Ох ты ж черт!

И что теперь он обо мне думает? Он-то знает, что у меня есть жених. Да и как не знать, если я о нем часто говорила... И звонила ему с работы, чтобы узнать, как дела, сказать что-нибудь хорошее, напомнить, что суп в холодильнике.

И за кого он меня теперь принимает? О боги, как теперь смотреть ему в глаза?

Дрожь охватывала тело, а колкий страх мурашками изрисовывал спину, пробираясь диким ужасом куда-то прямо в душу. Хотелось проснуться. Вот сейчас мне действительно хотелось проснуться и облегченно выдохнуть, что все это был всего лишь кошмар. Дурацкий кошмар, в котором я сама накинулась на своего начальника!

Паника захлестывала, топила благоразумие. Хотелось немедленно спрятаться, скрыться, да хоть сквозь землю провалиться, лишь бы избежать оправданий, невнятного разговора, самой ужасной беседы в моей жизни.

— Инна, вы же не собираетесь прятаться там вечно... — раздался голос Дмитрия Викторовича, а следом за этим — характерный скрип. Так, кажется, босс собирается извлечь меня из убежища. А я совсем-совсем не готова встретиться с ним взглядом. Да я же сгорю от стыда. Просто вот вспыхну как спичка!

Вот бы сработала сигнализация и сюда ворвался отряд ОМОНа. Или пусть бы землетрясение, наводнение, нападение инопланетян... В общем, все что угодно, только бы не объяснять боссу, с чего это я на него набросилась и почему считаю, что во сне лезть к нему под рубашку и расстегивать брюки — совершенно нормальное дело.

Помощь подоспела вовсе не со стороны стихийных бедствий и правоохранительных органов.

Не успел босс добраться до меня и заглянуть-таки в глаза, как в двери заворчался ключ, а через минуту на пороге склада появился здоровый бородатый мужик — видимо, тот самый Алексей, который помогал Дмитрию Викторовичу в его расследовании.

Обнаружив нас на тюках, он даже не удивился. И тому, что я рядом, — тоже. Он, похоже, вообще мало чему был способен удивляться. Мне бы сейчас его спокойствие!

— Ну как, не замерзли? А что вы так скромно сидите? Надо было пошустрить тут. Вон у кладовщика в подсобке и чайник, и кофе, и сахар, и пледы какие-никакие есть... Могли бы с комфортом устроиться!

Никогда ни одному человеку я не была так рада, как этому шумному говорливому бородачу. Необходимость объясняться с боссом прямо сейчас отпала. А потом... потом будет потом. Зачем об этом думать сейчас?

Я сдержанно поблагодарила спасителя, Дмитрий Викторович пожал ему руку, и все

закончилось благополучно. Не считая того, что теперь, наверное, я никогда больше не смогу посмотреть в глаза своему боссу. Впрочем, нет. Один раз это сделать все-таки придется.

Отзывчивый Алексей вызвался доставить нас в гостиницу. И это тоже было очень кстати. Я тут же прыгнула на переднее сидение — чтобы не находиться рядом с начальником. Это было бы просто невыносимо.

Но мое везение закончилось сразу же, как только мы выбрались из машины Алексея и вошли в холл гостиницы.

Дмитрий Викторович ухватил меня за плечи и мягко, но уверенно развернул лицом к себе.

— Инна, может быть, мы все-таки обсудим то, что случилось? Или вы и правда теперь собираетесь от меня прятаться?

— Я... — смотреть в глаза босса было невыносимо, но я это сделала. — Простите, но я не могу. Может быть, вы отпустите меня. Домой... Я хочу уехать.

Уехать и разобраться, что происходит в моей чертовой голове! И ведь это уже даже не психоаналитик! Это прямой путь к психотерапевту!

— У меня там... — я не договорила.

У меня там жених, о котором я совершенно не помнила этой ночью.

— Хорошо, — сказал босс. — Отправляйтесь домой.

Вот так просто? Почему-то я почувствовала глубокое разочарование. Оно омыло сердце холодной волной, вынуждая плечи окончательно сникнуть. А на что я, собственно, рассчитывала? Что он будет уговаривать меня остаться? Глупо.

— Пересчитывать коробки уже не придется. Местный филиал ждут кое-какие кадровые потрясения, но с этим я вполне справлюсь сам. Так что вы правы, отправляйтесь домой в офис, будете держать круговую оборону и объяснять всем, почему начальство отсутствует.

Он улыбнулся своей обычной улыбкой, будто подписывал молчаливое согласие считать инцидент исчерпанным.

— Спасибо.

Я даже толком не знала, за что говорю спасибо. То ли за то, что отпускает меня из командировки на день раньше, то ли за то, что не настаивает и не обсуждает то, что произошло сегодня ночью. Не заставляет меня краснеть и сбивчиво объясняться.

Собраться было нетрудно. Поменять билет — тоже. Я выехала из гостиницы пораньше. Лучше уж проторчать полдня в аэропорту, чем быть приглашенной, к примеру, на обед (заботливый босс запросто мог решить, что питание подчиненной — это зона его ответственности) и там опять чувствовать себя так неловко, что хуже не бывает.

Я летела в самолете, надеясь, что все, что произошло в этом провинциальном городке, где-то там и останется. Как там говорится? Все, что происходит в Лас-Вегасе, остается в Лас-Вегасе?

Но, как ни странно, оно не хотело оставаться. Воспоминания лезли в голову непрошено и настырно. Ведь это я думала, что все — сон. Боже, какая глупость...

А Дмитрий Викторович? Нет, не тот, который мне снился, а настоящий? То, как он целовал меня, то, как он меня касался, то, как у меня от этого перехватывало дыхание... Все это тоже было таким настоящим, таким естественным...

А еще я вспоминала мелочи. Какие-то обрывки, на которые раньше и не обратила бы внимания, а теперь... Вот он усаживает меня поудобнее в самолете, помогает разобраться с ремнем. Вот пропускает вперед или предлагает кофе. Да бог с ним, с самолетом. Не в этой же поездке он стал таким предупредительным! Ведь если вспомнить то, что было раньше...

Вот я задерживаюсь с важными документами во время обеденного перерыва, а он, глядя так строго, выпроваживает меня вон: «Инна, вы должны обедать вовремя. Падающие с ног от усталости и голода сотрудники — это совсем не то, что улучшит имидж нашего предприятия».

Или вот это: я забираю со склада бумагу для принтера, и мы с ним случайно сталкиваемся в коридоре. И он выхватывает у меня тяжелые пачки: «Вы сделаете мне большое одолжение, если впредь будете заказывать все необходимое на складе и неукоснительно требовать, чтобы это вам доставляли».

То, что я принимала за строгость, выходит, было заботой? Такой ненавязчивой, что я просто умудрялась ее не замечать? Чего еще я не замечала? Может быть, чего-то важного?

Самолет приземлился поздно, но домой я попала еще позже.

Попросила таксиста остановиться за пару кварталов и прошла пешком, хотя гулять среди ночи, волоча за собой чемодан на колесиках, наверное — не лучшая идея. Неужели дело в том, что мне просто не хочется возвращаться в дом Вадика? Я переделала в этой квартире абсолютно все, от пола до потолка — но стала ли она по-настоящему моим домом? И мужчина, с которым я прожила все это время, стал ли он мне по-настоящему близким? И что вообще такое — эта настоящая близость?

Глупости все. Просто бредовые размышления от усталости. Вот сейчас я вернусь домой, обниму своего жениха — такого привычного и родного, и вся эта нелепая история тут же выветрится из моей головы. И в самом деле, как страшный сон. Сон, который пока никак не удавалось забыть.

Я поднялась на лифте, тихонько открыла ключом дверь, вошла в привычную прихожую и замерла от неожиданности.

Дом встречал меня незнакомыми, непривычными запахами: какой-то еды, приготовленной явно не мною, и тонким сладким запахом духов. Женские духи! Даже сомнений нет — именно женские и именно духи.

Можно было бы заподозрить, что это Вадик купил себе новую туалетную воду — с таким экзотическим запахом, но он терпеть не мог сладковатых ароматов — считал их немужскими, отдавая предпочтение таким резким, что от них иногда просто щипало в носу.

Нашарив рукой выключатель на стене, я включила свет, и сердце снова болезненно екнуло: на тумбочке у овального зеркала валялась помада.

Дорогая.

В позолоченном футляре.

Не моя.

Я сбросила туфли и на негнувшихся ногах пошла в спальню. А что я хотела? Разве можно возвращаться вот так вот, на день раньше и без звонка? Сразу вспомнились его задержки на работе, очередные дни рождения, корпоративные праздники, на которые меня никогда не приглашали. Мне и в голову не приходило, что Вадик может мне изменять... Может, потому и не приходило, что я сама была ему верна совершенно и абсолютно, а теперь кое-что изменилось?

Путь в спальню занял, кажется, целую вечность. Я тихонько приоткрыла дверь, заглянула, задержав дыхание, и...

Глава 17

И ничего. Вадик лежал в нашей большой постели один, все так же обняв подушку. Слезы сами собой покатались из глаз.

— Рыбонька! Ты приехала раньше? — сонно пробормотал он. — Раздевайся скорее, иди в кровать.

А я и правда, стояла как та рыбка, хватая ртом воздух и задыхаясь. Рядом с ним никого нет. Но значит ли это, что никого и не было?

А зачем гадать и мучиться? Я спросила:

— Вадик. У нас пахнет духами и в прихожей помада... Скажи... здесь у тебя кто-то был?

Спросила и сжалась, ожидая ответа.

А какое, собственно, я имею право устраивать ему допросы? Сама-то чем лучше? Ровненько прошлой ночью я буквально таяла в руках другого мужчины, наслаждалась его поцелуями и готова была пойти дальше, гораздо дальше... И то, что я считала, будто все это происходит во сне, ни капли меня не извиняет и не оправдывает...

— Конечно кто-то был, — Вадик обиженно шмыгнул носом. — Мама ко мне приезжала. Ты же толком еды не оставила, все закончилось в первый же день. Вот я ее и попросил, чтобы помогла... А помаду, наверное, забыла.

Я горько рассмеялась, сквозь слезы.

— Ты что, плачешь? — Вадик выбрался из-под одеяла, подскочил ко мне и заключил меня в объятия. — Милая, ты что? Это из-за помады? Что ты себе напридумывала? Ну же, перестань...

Но чем больше он меня успокаивал, тем сильнее я рыдала.

— Я так соскучился, — говорил он, прижимая меня к себе. — Знаешь, мы с мамой обсуждали нашу ситуацию. Мама считает, что жить вот так — это неправильно, нам нужно пожениться как можно скорее. Может быть, давай назначим дату свадьбы?

Я вытерла слезы. Как все-таки просто иногда бывает ответить на сложные вопросы. На те вопросы, которые еще недавно сама себе боялась задать.

— Вадик, прости пожалуйста. Но мы не назначим дату свадьбы. Ни сейчас, ни вообще. Нам нужно расстаться. Так будет лучше для нас обоих.

— Рыбонька, ну какая муха тебя укусила? Прекращай истерику.

Истерику? Вот оно что... Он не воспринимает это всерьез. Да разве я могу куда-то деться?

— Я не рыбонька. Меня зовут Инна. И я говорю совершенно серьезно. Нам нужно расстаться.

— Что? Ты это серьезно? Да я все ради тебя делал... И ты теперь вот так со мной?

— Прости. Я не могу сейчас говорить. Ты тут ни при чем. Дело во мне, честно. Я... не могу. Я просто не готова. И вообще, знаешь... — теперь мне было необходимо сказать все и сразу. — Я тебе изменила. Прости, пожалуйста... Но так вышло. Так что лучше пойду. Переночую сегодня в гостинице. Тут рядом... Прости.

Буквально вылетев из спальни, я подхватила чемодан. Все-таки чемоданы на колесиках — это прекрасно. Гостиница и правда в двух кварталах, дойду пешком. Я сунула ноги в туфли и направилась к двери.

— Стой! — раздалось за спиной.

Я с тяжелым вздохом остановилась. Только бы не начал уговаривать остаться. Кажется, я достаточно сказала, чтобы уже больше ничего не выяснять и не обсуждать. Жестоко, да, зато правда.

— Послушай, Вадик, я...

— Чемодан оставь! — изменившимся голосом сказал он.

— Что? — не поняла я, оборачиваясь.

— Что слышала. Это мой чемодан. Он куплен на мои деньги. И то, что внутри, — тоже. Или ты думаешь, что нашла дурачка? Облапошила идиота? Так вот нет! И кольцо снимай! Нет свадьбы, значит, и кольцо тебе не нужно!

Я опешила. Выпустила удобную пластиковую ручку из рук. Он это что, серьезно? Я смотрела на Вадика и не узнавала его. Презрительный взгляд, перекошенное злобой лицо.

Конечно, я могла бы поспорить. Сказать, что большая часть вещей в чемодане куплена на мои деньги. Секретарская зарплата — не золотые горы, но уж на одежду, косметику и туфли ее всегда хватало. Но представив, как мы начинаем делить содержимое чемодана, перебирая вещи, и торговаться из-за каждого лифчика, я тут же расхотела пререкаться.

— Конечно, Вадик. Носи на здоровье. — улыбнулась я.

А когда сняла с пальца кольцо и положила его на тумбочку рядом с помадой, вдруг почувствовала невероятное облегчение. словно гора с плеч упала. И какая при этом разница, что у меня нет даже смены белья? Свобода. Это куда ценнее.

Банковская карта, кошелек, документы и телефон — все это в моей дамской сумочке. Достаточный багаж для начала новой жизни.

На самом деле я люблю гостиницы. Ночевать в гостиницах очень удобно. Гораздо удобнее, чем на складах.

Глава 18

Теперь я отлично понимала, почему мне снились эти эротические сны. Дело тут было вовсе не в боссе и не в каких-то моих к нему особенных чувствах. Видимо, просто какое-то моё бессознательное, подсознательное, сверхсознательное... в общем куда более сознательное, чем сама я, «я» пыталось не дать мне совершить роковую ошибку, которую потом навряд ли можно было бы также легко исправить.

Ведь именно остаться с Вадиком и было бы самой ужасной ошибкой в моей жизни. Как я могла быть настолько слепа? Ведь я совсем не видела, что за то короткое время, что мы с ним были вместе я превратилась в кухарку, служанку и «рыбоньку», которой не разрешается даже завести кота. А ведь у каждого человека должно быть право завести кота!

Но дело даже не в этом. Дело в том, что на самом-то деле Вадика я никогда не любила. Да, мы были по-своему близки, я за него, безусловно, волновалась, вникала в его проблемы и заботилась о его комфорте, как умела. Но именно любви — той самой, как женщины к мужчине, я никогда по отношению к нему не испытывала.

Накормить, постирать, встретить с работы и все такое — разве это любовь? Разве это то самое высокое чувство, от которого кружится голова, а ты сходишь с ума? Теперь я с уверенностью могла сказать: нет. Скорее, я была для него заменителем мамы, а он для меня... Сначала я искала в нем того самого мужчину, за которым и в огонь и в воду, а потом... потом, видно, просто привыкла. Да и если бы я по-настоящему любила Вадика, разве стала бы я смотреть сны с участием другого мужчины? Пусть даже такого симпатичного, как Дмитрий Викторович!

Получив это понимание, я совершенно успокоилась, и теперь то, что случилось там — на складе, — совершенно перестало меня преследовать, повергая в пучину самокопания. Я даже научилась относиться к этому с юмором. Нет, ну ведь правда забавно вышло. И на звонки босса я отвечала совершенно невозмутимо. Это было нетрудно сейчас, когда та история с тюками и нашими объятиями вдруг действительно осталась в прошлом. Эротические сны перестали меня преследовать. Наверное, просто выполнили свою функцию и ушли восвояси, оставив наедине с реальностью.

А в настоящем у меня была совершенно новая жизнь, которую ещё предстояло как следует обустроить. К моему безграничному счастью, меня приютила Иришка — подружка, с которой раньше мы вместе снимали квартиру. Узнав, в каком бедственном положении я оказалась, она пришла на помощь незамедлительно. Сразу же заверила меня в том, что мы обязательно справимся. И мы действительно справлялись. Особенно учитывая то, что размер обуви и одежды у нас был один. Так что ее гардероба и постепенно обновляемого моего вполне хватало на то, чтобы обе мы выглядели с иголочки.

Работы, даже в отсутствие Дмитрия Викторовича, было много, и это тоже радовало. Я не хотела оставаться одна со своими мыслями. Впрочем, когда рядом с тобой такой человек, как Иришка, трудно остаться одной. За эти несколько дней, что я жила на свободе, мы побывали в ночном клубе, в театре и в ресторане. Такой обширной культурной программы у меня не было с тех пор, как мы с Вадиком съехались. В общем я возвращалась к нормальной жизни.

И жизнь, к которой я возвращалась, мне очень нравилась.

* * *

Конец моей относительно спокойной новой жизни пришел ровно в тот момент, когда в очередной свой звонок Дмитрий Викторович объявил:

— Ну что, я разобрался как следует и наказал кого попало... — я слышала, что он улыбается. — Возвращаюсь. Завтра буду уже на работе.

Повисла неловкая пауза, словно я должна была что-то сказать, или он ожидал, что я что-то скажу, но нужные слова не приходили на ум. Поэтому я сказала просто:

— Это очень здорово, а то тут дел поднакопилось.

Закончив разговор, я какое-то время не могла справиться с захлестнувшим меня волнением. Все-таки одно дело — скупо говорить по телефону о сугубо деловых вещах. Тут проще притвориться, что ничего особенного между нами не было и мы по-прежнему держимся в рамках деловых отношений, и совершенно другое — встретиться лично с живым напоминанием о своей глупой оплошности.

Завтра он приезжает. Первой мыслью было — провести сегодняшний вечер с пользой. Например: сходить в салон или сделать новую стрижку. И вообще давно пора было придать форму бровям. Удивительное дело — кажется, совсем неважный штрих, а дает сразу +100500 к ухоженности.

Я уже мысленно прикидывала, как составить расписание, чтобы все успеть, а потом вдруг одернула себя: это еще что такое? У нас с Дмитрием Викторовичем отношения исключительно деловые — я на него работаю. А это значит, что к приезду босса нужно не о бровях думать, а о документах.

Необходимо задержаться на работе и привести в идеальный порядок все что только можно. Из-за личных потрясений я запросто могла быть где-то невнимательна, что-то пропустить. Так что провести этот вечер с пользой с точки зрения завтрашнего возвращения шефа можно только одним способом.

Я сделала себе крепкий кофе и поудобнее устроилась за письменным столом. На улице уже стемнело, когда я смогла с удовлетворением отметить, что звание идеального сотрудника года по праву должно принадлежать именно мне. Я уже собиралась уходить, когда дверь в приемную приоткрылась, и... Вот неожиданность! На пороге появился Дмитрий Викторович, собственной персоной.

Явно уставший с дороги, да и вообще, похоже, у него выдались непростые дни.

Но разве же так можно? Он же обещал, что явится только завтра. У меня было бы время успокоиться, настроиться, прочитать несколько успокоительных мантр, да и просто в панике побегать по квартире, вспоминая, все ли я подготовила... Впрочем, кажется, он тоже не ожидал меня здесь увидеть в такое позднее время.

— Инна? А что вы здесь делаете? — Дмитрий Викторович удивленно посмотрел на часы.

Глава 19

Я вздрогнула, словно он застал меня за чем-то противозаконным, ну или, по меньшей мере, неприличным, и он меня застучал. И никакие уверения, что все в порядке, а то, что я на работе — это вполне нормально, не помогли. Я растерялась. Но все-таки ответила.

— Да так... Хотела привести все в порядок к вашему приезду, — я говорила совершенно обычные вещи, но голос почему-то срывался.

Нет, так дело не пойдет, надо собраться и сосредоточиться. Я стала нервно переключать документы на столе, чтобы чем-то занять руки.

— Но тут уже почти все. Закончила и уже ухожу, — торопливо произнесла я.

И правда, надо уходить.

— А как же ваш жених? — спросил меня босс. — Разве он не против такой поздней работы?

Я нахмурилась, да так и замерла с папкой в руках. Ну конечно. Несколько месяцев этот человек наблюдал, как я улетаю кормить любимого-дорогого, как только стрелка коснется пяти. И не хожу на корпоративы. И не езжу на пикники, которые руководство заботливо организует для сотрудников. Разумеется, теперь босс удивлен. Надо что-то ответить.

Сказать ему, что мой жених оставил меня даже без нижнего белья я точно не могла. Поэтому просто буркнула:

— Нет больше жениха.

Дмитрий Викторович сначала удивленно вскинул брови, а потом соорудил скорбную физиономию, словно собираясь принести мне свои искренние соболезнования.

— Вернее, с женихом-то все в порядке. Просто он больше не жених.

Чуть ли не какая-то. Не собиралась я обсуждать это с Дмитрием Викторовичем. Так. Надо скорее уходить отсюда. Что-то я к вечеру, да еще и в присутствии босса, стала хуже соображать. Не хватало еще снова надеть каких-нибудь глупостей.

Я взяла сумочку, набросила плащ, прихватила зонтик и сказала:

— До завтра, а то уже поздно.

И двинулась в сторону выхода.

Но не дошла, внезапно попав в плен тесных объятий.

— Погодите, Инна. Мне кажется, нам все-таки нужно объясниться.

Оказавшись в его объятиях, я сразу же забыла, как дышать. Все преграды, которые я выстроила за это время, в одночасье рухнули. Все, что я придумывала про подсознание и прочее, сразу показалось ерундой. Просто мне было хорошо и уютно именно в этих объятиях, а от запаха именно этого мужчины кружилась голова, а сердце ускоряло свой бег.

Я не хотела объясняться — я хотела стоять так бесконечно, уткнувшись носом в широкую грудь, с наслаждением вдыхая терпкий парфюм. Не двигаясь. Касаясь. Полностью растворяясь в самом невероятном мужчине...

Наверное, нужно было высвободиться, что-то сказать, но я не могла.

А он вдруг невероятно нежным и уютным жестом закопался лицом в мои волосы, судорожно втянул воздух — и никакие объяснения сразу стали не нужны. Я знала, была уверена — он скучал, ждал, тянулся ко мне.

А сейчас уже не хотел ждать.

Глава 20

Его рубашка казалась мне лишней, ткань — слишком грубой. Она разделяла мои ладони и горячую кожу, под которой надрывисто билось сердце. Прижавшись, я отчетливо ощущала его руки на своей талии. Они сжимали так сильно, так уверенно, что сомнений не оставалось, ему тоже не хочется сейчас меня отпускать.

А я... Я вновь металась между тем, чтобы сделать шаг навстречу и отступить на два. Замерла, словно в нерешительности. Ладонь неловко поднялась по его груди, боязливо коснулась шеи, очертила едва выступившие иголки щетины.

— Инна, мы... — начал было Дмитрий Викторович.

— Не хочу. Пожалуйста, не сейчас.

Дмитрий Викторович судорожно втянул воздух, а я словно занималась изучением, так близко рассматривая его губы, мягко касаясь их пальцами. Он захватил губами подушечки моих пальцев, нежно поцеловал и, взяв меня за запястье, прикоснулся губами к ладони — так интимно, так отчаянно, что мурашки колкими иглами вонзились в кожу, разрастаясь по всему телу неудержимой волной.

Я не дышала. Совсем забыла, как дышать, когда его губы очертили дорожку до запястья. Наверное, эти сокровенные касания были предназначены для того, чтобы что-то донести до меня, но рядом с этим мужчиной я не могла думать. Лишь смотрела в его зеленые глаза без возможности оборвать этот контакт. Его взгляд горел как тысячи костров в ночи, но расшифровать его...

Было ли в нем желание? Была ли страсть? Симпатия? Привязанность? А может быть, любовь? В этой глубине клубились тысячи эмоций и ни в одну из них я не хотела верить. Просто боялась. Боялась поверить, окунуться в омут с головой, чтобы в итоге получить разбитое сердце.

И все же не могла отказаться от острого желания привстать на цыпочки и прикоснуться губами к его губам. А потом не смогла отстраниться, получив немедленный и такой горячий отклик. Не смогла не запутаться пальцами в его коротких волосах на затылке.

Дмитрий Викторович отвечал на мой поцелуй. Сначала мягко и нежно, стараясь не давить. Разрешал самой выбирать, что между нами будет дальше. А я продолжала изучать. Медленно исследовала губы, скулы, подбородок, боялась, но упорно шла вперед, не оставляя себе путей для отступления.

Мой прерывистый вдох стал началом. Я решилась. Стянула с босса пиджак, чтобы он с тихим шелестом свалился прямо на пол туда, где уже валялись мои зонтик и сумочка. С упоением гладила широкие плечи, трепетно касалась спины и целовала. Не останавливалась ни на миг, смакуя его губы. Словно находилась во сне, но теперь... До отчаяния боялась спугнуть наваждение.

— Инна, вы...

Я не дала ему договорить, снова целуя в губы. Боялась, что всего одно лишнее слово, неосторожное слово может спугнуть этот миг. И он рассеется, а потом уже не решусь. Просто не решусь откликнуться, согласиться, признаться самой себе, что остро нуждаюсь в этих губах,

в этих объятиях, в аромате, что окружает плотным коконом, будто дает защиту.

И вообще с этим мужчиной мне ничего не страшно. За ним можно и в огонь, и в воду, и на охраняемый склад. А еще — в омут с головой, в реку, в море, в океан. С ним можно в разведку, в горы, в небеса, рассекая облака крыльями самолета. С ним не страшно, потому что он надежный.

— Инна...

Дмитрий Викторович тяжело отстраняется, всматривается в мое лицо, пытаюсь отыскать в нем... Что? Да кто его знает? Но я улыбаюсь. Улыбаюсь широко и открыто, чуть стеснительно, но счастливо. Так, как, наверное, уже давно не улыбалась. Просто забыла, каково это.

Делая шаг в сторону, он отпускает меня, и мне вдруг становится холодно. Настолько холодно, что дрожь одиночества вновь пронзает кожу, а я задыхаюсь. Он что, уходит? Слышу каждый шаг. Они отдаются в сердце набатом. Вздрагиваю. Лишь бы не расплакаться. Конечно, это в моих снах он давно уже мой, а наяву... Неужели вся его нежность — только показалась? Не знаю, как ноги до сих пор держат, но обернуться не могу.

В полнейшей тишине раздается щелчок замка. А крепкие руки уже ложатся на плечи, спускаются по груди, очерчивая формы, прикасаются к животу и снимают плащ. Легко и свободно, не встречая сопротивления.

Мигом оборачиваюсь. Страсть захватывает, эмоции затапливают, и я встречаю его губы — такие же жаждущие, такие же дикие, голодные, как и мои. Поцелуи становятся другими — требовательными, настойчивыми.

Он расстегивает пуговички моей блузки, рычит, когда не получается с первого раза, но от жадных касаний не отказывается. Ему, наверное, тоже кажется, что всего этого слишком мало. И мне мало. Мало ощущать его горячую кожу сквозь ткань, мало чувствовать только поцелуи.

Не выдержав, он крепко прижимает меня к себе и прямо так — спиной, ведет к моему столу. Свободной рукой сметает с него все, что мешает нам двоим быть вместе. Слышу, как падает органайзер и на пол сыплются ручки с карандашами, как с шелестом разлетаются документы, но сейчас мне на них наплевать. Босс знает лучше. Он лучше знает, что можно ломать, а что нет. В конце концов, кто я такая, чтобы запрещать ему делать это?

Глава 21

Одним резким движением он усаживает меня на столешницу. Прижимается всем телом, словно желая слиться, соединиться со мной, а я и не отказываю, обвивая его бедра ногами.

Кажется, с этого у нас все и начиналось. Тогда — в моем самом первом сне. И я могу точно сказать — наяву всё гораздо лучше. Эта мысль мелькает мимолетно, а потом я уже не могу думать, только чувствовать, ощущать и растворяться.

Одна его рука скользит вверх по чулку, пробирается под юбку, встречаясь с кружевной резинкой, но не останавливается, а исследует дальше, соприкасаясь с кожей. Гладит бедра совсем близко от края белья, но изменяет направление и скользит по ягодице, а я обмираю. В этот самый миг невыносимый жар охватывает лоно, сжимает мышцы, вынуждая испытывать сильное желание. Я хочу его в себя — бесстыдно, бессовестно, до шипения сквозь сжатые зубы.

Вторая же рука ловко вытаскивает заколку. Крупные локоны — спутавшиеся, рассыпаются по плечам, а он жадно вдыхает их аромат, впитывает запах, скользя носом по моей шее. Веки закрываются произвольно, а сквозь приоткрытые губы вырывается стон. Настолько оглушительный, что я теряюсь, всего на миг, за который происходит невероятное.

Как оказалась стоящей на коленях на диване, я не смогла бы рассказать и потом. Ледяная кожаная обивка холодила разгоряченную кровь, а мой мужчина стоял позади меня точно так же, на коленях, с силой удерживая мои руки на спинке дивана. Его губы нежно касались моего уха, чувствительного местечка за ним, шеи, затылка и плеча. Он зарывался носом в мои волосы, шумно дышал, но был напряжен, будто сдерживал себя.

Ждать было невыносимо. Я сама подалась назад, бессовестно ударяясь ягодицами о его пах. Терлась, ощущая, как член налился и оттопыривал штаны, которые в этой игре совершенно точно был лишними. Его ладони скользнули мне на талию, сильнее прижали меня к спинке дивана и легко пробрались к чулкам, лаская ноги. Он поднимал мою юбку, собирал ткань, задирая ее, и гладил ягодицы, словно оценивая. Прижимался пахом к самому лону, а я ощущала член, который трется о слои ткани — штанов и белья, соблазняя, распаяя еще больше, дразня.

— Не играй со мной. — шепчу, прошу, умоляю.

Я больше не в силах терпеть, а он с треском рвет мою блузку, легко избавляя меня от лифчика. Горячие ладони с силой сжимают грудь, но тут же с нежностью гладят, слегка пощипывая сжавшиеся горошины сосков. Обнаженной спины касаются его губы. Короткие порывистые поцелуи сменяются мягкими касаниями, вызывающими дрожь наслаждения. Это лучше, чем сон. В сто раз лучше, чем любые мечты.

Пальцы одной руки продолжают терзать грудь, то сдавливая, то лаская, а вторая медленно пробирается ниже, проникая под тонкую ткань трусиков. Понимаю, что я уже мокрая и он тоже сейчас поймет это, но стыда больше нет. Мне нестерпимо хочется, чтобы он быстрее прикоснулся ко мне там. Не пальцами, нет, но хотя бы так. Пока хотя бы так.

Его пальцы гладят влажные складки, с уверенностью очерчивают края входа, с нежностью потирают промежность, едва касаясь ануса. Снова дразнит. Играет, но я уже не могу возмущаться. Меня уносит от каждого движения, от каждого касания ладони к клитору, от ощущения его пальцев меж складок и подушечек на анусе и влагище.

Два пальца проникают внутрь, а я дрожу, срываюсь на стон, получая лишь малую толику желаемого. Пальцы проникают все глубже и глубже, расширяя меня каждым движением. Прижимаюсь щекой к холодной стене, но Дмитрий Викторович немного тянет меня на себя и кладет мне под голову декоративную подушку. Так мягче, забота умиляет до выступивших слез, но я бы сейчас не почувствовала, даже если бы под моей щекой лежала наждачная бумага. Я была полностью сосредоточена на ощущениях, что уносили в водоворот эмоций и чувств. Шумно дышала — рвано, то забывая о воздухе совсем, то жадно насыщаясь им.

Мое лицо повернули, а губы наконец встретились. Именно этого мне не хватало для полноты картины. Его сладкого поцелуя, от которого совсем перестаешь понимать, где ты. Его пальцы покинули свое укрытие, напоследок погладив промежность и анус, а я заскулила, будто от меня оторвали что-то мое родное, принадлежащее только мне.

— Тише, девочка. Тише... Сейчас.

Не видела, как расстегивает брюки, но слышала, изнывая, кусая губы в кровь, а когда твердый член прикоснулся к насквозь мокрой ткани белья, я просто застонала, попытавшись снять с себя такую невыносимую преграду. Но мне не дали. Мои руки властно вернули на место, а его пальцы прикоснулись к краю белья. Томительно медленно он стягивал с меня ткань, царапая ставшую невероятно чувствительной кожу, а я уже была готова сама накинуться на него. Связать к чертовой матери и изнасиловать, настолько ожидание было убийственным.

Член коснулся складок. Головка скользнула по влажной плоти, медленно проникая внутрь всего на несколько миллиметров. И снова, и снова, пока я не дернулась, пытаясь сократить между нами расстояние.

— Накажу. — жарко прошептал мужчина, прикусывая мочку моего уха.

— Накажи... — задохнулась я, а мужчина вошел на всю глубину одним резким движением.

Я вскрикнула, и кричала каждый раз, пока он врывался в меня дико и необузданно, не собираясь останавливаться, не давая мне и секунды продыху. Сжимал мои бедра, вонзаясь в них пальцами, не давая сбежать. Удерживал накрепко, а я терялась, просто отключалась временами, настолько хорошо мне было.

И было наплевать, что сейчас ночь, а мы с ним в приемной на диване. Было наплевать, что толком и не разделись, а наши голоса обрушаются на стены. Было наплевать, потому что каждым своим движением, каждым толчком бедрами, Дмитрий Викторович пронзал меня, вытаскивая откуда-то из глубин такие эмоции, такие ощущения, которые я не испытывала никогда.

Теперь с ужасом понимала, что он мог уйти, и от этого целовала яростнее, напористее, прикусывая зубами его губы, ловя проворный язык. Пальцами запутывалась в его волосах, прижимала его шею к себе еще крепче. Не сбежит, точно не отпущу.

Мышцы внутри сжимались, и я уже не могла ими управлять. Начальник рычал каждый раз, когда они сокращались, плотно обхватывая член, а я испытывала щекотку, что все нарастала и нарастала, собираясь лопнуть в любой момент, взорваться...

Яркие золотистые вспышки в темноте сомкнутых век обрушались ураганом, жаркой волной, что пронеслась по венам, стремительно пробралась к спине, пронзая, вынуждая выгнуться. Волна выстрелила в затылок, заставляя тот онеметь на долгие десятки секунд. Жмурилась, то выкрикивая его имя, то едва слышно шепча. Задышалась ощущениями, словно безумная, поддаваясь навстречу его бедрам.

— Инна... — его пальцы сжали бедра да боли, а яростные толчки постепенно сменились мягкими и нежными.

Просто свалилась на диван, едва меня выпустили, но упасть не дали. Сам уложил прямо на себя, крепко прижимая к горячему телу. Тяжело дышал, смотрел на меня с ласковой улыбкой и гладил мою спину, наверное, успокаивая. Веки закрылись непроизвольно, но не сопротивлялась. Теперь точно знала, что это не сон.

Глава 22

— Ну и бардак же у вас тут! — Я лениво огляделась по сторонам.

Мы с Дмитрием Викторовичем (впрочем, наверное, уже не нужно называть его по отчеству?)

Или все-таки нужно? Следовало бы это выяснить... я и выясню. Как-нибудь потом...) лежим на диване, тесно сплетаясь, не в силах ни пошевелиться, ни оторваться друг от друга.

— Вот надо же! Стоит вернуться без предупреждения в офис — и застанешь тут такое, — говорит он, прижимая меня к себе.

Я счастлива. Просто счастлива. И всё. Мне кажется, что это безмятежное счастье уже никто и ничто не может разрушить.

- И все-таки, я давно хотел спросить... — начал он.

Я замерла, ожидая какого-нибудь неудобного вопроса.

— Почему тогда на складе ты была так уверена, что это сон? Нет, конечно, мне приятно быть мужчиной из сновидений, но все-таки...

Я уткнулась носом ему в грудь, пряча глаза и не желая развивать эту тему.

— Только не говори, пожалуйста, что после всего, что сейчас тут было, я могу тебя еще чем-то смутить.

Я поцеловала его в плечо и ответила:

— Очень даже можешь. Например, напоминанием о том, что сейчас тут было, — и это чистая правда! Я почувствовала, что краснею до кончиков волос.

— Что-то мне кажется, что ты скрываешь от меня какую-то жутко интересную историю. Которая касается меня и которой я не знаю полностью.

Я замялась. Нет, я была абсолютно уверена, что этому мужчине я могу рассказать любую историю, и он не станет кривить губы, упрекать меня в чем-то, обвинять, не станет ко мне хуже относиться... Странно, откуда бы взяться такому доверию? А вот ведь есть оно — как будто мы всю жизнь были вместе и еще всю жизнь будем вместе.

— Ради этой истории, — Дима чмокнул меня в макушку... Дима. Наверное, так мне и надо его теперь называть? Я примерила к нему это имя, покрутила его на языке, вместо привычного Дмитрия Викторовича и решила, что оно ему подойдет. Пару раз, наверное, запнусь, но потом привыкну. — Ради этой увлекательнейшей истории я готов на время принять на себя обязанности секретаря и приготовить нам обоим кофе...

Я подумала, что возможность так и лежать на диване, даже не приподнимая головы, стоит одной истории. Тем более истории с таким восхитительным финалом.

— Мне пожалуйста чай без сахара, — с улыбкой сказала я.

— Как прикажете, — согласился Дмитрий Викторович, то есть Дима.

Встал с дивана, пошарил в груди одежды, не слишком равномерно распределенной по полу, обнаружил и натянул боксеры и отправился к кофеварке, оставив меня любоваться этим потрясающим зрелищем. Дима в боксерах вместо Дмитрия Викторовича в костюме и галстук — по-моему, роскошная замена.

Я хотела набросить блузку, но в ней было явно недостаточно пуговиц, поэтому последовала примеру босса: вытащила из общей кучи его рубашку и с удовольствием надела ее на голое

тело. Вот так — просто здорово! Теперь его запах, такой родной, такой чудесный, был совсем близко.

— Итак, я свою часть сделки выполнил, — объявил босс, протягивая мне чашку с ароматным напитком, — и теперь я хочу услышать эту пикантную историю.

— А вдруг она не пикантная? — рассмеялась я.

— Я буду разочарован, — сказал он, но я лишь хмыкнула.

— И отберу чай! — с угрозой добавил босс.

— Ладно, ладно, что уж так сразу...

И я принялась рассказывать.

Вначале он слушал эту историю, смеясь, но только до того места, как я перешла к своему позднему возвращению домой. Так. А здесь я ступала на очень скользкий путь. Нашу размовку с Вадиком я постаралась пересказать вкратце. Не хотела, чтобы это выглядело так, будто я жалуясь. Кое-какие моменты попросту опустила. Пришла, поняла, что мы друг другу чужие — и ушла.

Но Дмитрий Викторович... то есть, Дима, не дал мне так просто отделаться:

— Погоди. И что, вы больше не виделись? Ты просто ушла жить к подруге и все?

— Да...

Я смотрела ему в глаза честно, как только могла.

— Ну нет. Ерунда полная. Ты должна была как минимум заехать за вещами!

Я уже пожалела, что вообще стала об этом рассказывать. А кое-кто мог бы быть чуть менее проницательным. Хотя, наверное, тогда это был бы уже не он.

— Может, и должна была, — сказала я, — только я не заезжала за вещами.

— Это как же?

Теперь я говорила совсем тихо.

— Я решила оставить мои вещи там.

— Чтобы при случае вернуться? — мигом помрачнел он.

Черт. Так похоже я делаю еще хуже. Лучше говорить все как есть.

— Нет. Чтобы хорошо помнить, почему я решила никогда не возвращаться, — я не хотела, но в моем голосе отчетливо слышался металл.

— То есть, ты хочешь сказать... — теперь губы Дмитрия Викторовича сложились в жесткую складку, — что ты оказалась на улице без ничего: без вещей, без одежды и даже не позвонила мне? Не дала знать, что у тебя проблемы?

Он смотрел на меня строго, будто бы я в чем-то провинилась, но самое удивительное, что и я чувствовала себя так, будто бы провинилась.

Дмитрий Викторович мигом сделался деловитым и сосредоточенным, резко встал с дивана, принял чашку из моих рук, объявил:

— Чаепитие окончено. Сейчас же одевайся, — и стал ловко поднимать рассыпавшиеся папки с документами и водворять на место карандаши с ручками.

Я поежилась. Было неприятно и странно сознавать, что волшебство закончилось. А оно, кажется, и правда закончилось. Теперь оставаться вот так, без одежды, в его рубашке, было неуютно.

Я встала и быстро оделась, запахнув испорченную блузку и застегнув сверху плащ, потом залезла в сумочку, вытащила телефон и набрала короткий номер такси.

— Алло, девушка, можно такси по адресу...

Босс в одно мгновение оказался рядом, мягко взял трубку у меня из руки и проговорил невидимой девушке:

— Извините, тут ошиблись. Не нужно такси, — отбил звонок, и тут же обратился ко мне: — Какое еще такси?

Я попыталась объяснить:

— Обычное. Ночь же. Чем еще я смогу добраться. И раз мне пора уходить...

Он крепко прижал меня к себе, обняв, спрятав в кольце сильных рук.

— Нам пора уходить. Слышишь, нам! И я за рулем.

Я отвела взгляд.

— Ты не сказал, что подвезешь меня. Но спасибо.

Я едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Конечно, подвезу. Потому что ты не знаешь адреса. Мы едем ко мне.

Я не сразу поняла, о чем он. А когда поняла — улыбнулась. Кажется, моя привычка додумывать до хорошего не доведет.

— Если ты обещаешь не убегать прямо сейчас, я осторожно выпущу тебя из рук и наконец-то оденусь, — сказал он.

— А если не обещаю? — рассмеялась я.

— Будем стоять так до утра, а потом нас обнаружит уборщица.

— Ну хоть не кладовщик. Ладно, так и быть. Обещаю.

— И вообще, завтра у тебя выходной, — донеслось до меня, пока он торопливо натягивал брюки и рубашку, — в связи с переездом. Впрочем, учитывая, что вещей у тебя немного, думаю, это

будет самый короткий переезд в истории человечества.

Бонус 1. Дмитрий

Почему лучшие девушки часто выбирают себе в спутники жизни настоящих придурков?

Дмитрий не мог найти ответ на этот вопрос. И не задавать его себе он тоже не мог, с тех самых пор, как эта девушка впервые переступила порог его кабинета.

Раньше он всегда посмеивался, когда слышал истории о том, что она «вошла и озарила всю его жизнь» каким-то там особенным светом. Ну, ребята, какой еще свет? Это же все совершенно понятно: гормоны там, какие-то подсознательные влечения...

Но как бы сильно тебя ни зацепила очередная красотка — всегда есть один проверенный способ отвлечься: с головой уйти в работу, начать новый проект, замахнуться на такие вершины, что даже самому страшно думать — вытянешь ты это или нет. И когда от забот, которые ты осознанно с радостью взял на себя, по вечерам ты просто валишься с ног — ни одна прелестница не сможет удерживать твоё внимание долго. Рано или поздно ты о ней обязательно забудешь.

Да только все это было правдой ровно до тех пор, пока в его приемной не поселилось это воздушное создание. Тоненькая как тростинка, с огромными карими глазами, с тяжелыми локонами медных волос и почему-то всегда испуганным взглядом.

Она неизменно вздрагивала и краснела каждый раз, когда он подходил ближе. А если он пытался шутливо говорить порой с напускной строгостью, то и вовсе бледнела. Казалось, еще чуть-чуть — и точно упадет в обморок.

А еще (когда Дмитрий вдруг начинал думать об этом, чувствовал себя едва ли ни извращенцем) иногда ему казалось, что он вовсе не против, чтоб она и вправду упала в обморок. Тогда он мог бы совершенно безнаказанно сделать ей, к примеру, искусственное дыхание. Или воровато коснуться ладонью ее лица. Ощутить в своих руках ее тонкую талию. Эта мысль заставляла дыхание сбиваться, а в глазах темнеть: тонкая ткань блузки, рвущаяся под его руками, мягкая нежная кожа, сладкий вкус ее губ... Черт. Она была его наваждением.

Теперь он просто не мог работать. Ну не смешно ли? Когда нужно было решать по-настоящему важные вопросы, уходил из кабинета в конференц-зал, потому что невозможно сосредоточиться хоть на чем-то, когда она смотрит своими огромными глазищами или проходит мимо, обдавая тонким запахом духов, шампуня и чего-то еще такого особенного, присущего только ей.

Он узнавал ее по шагам, безошибочно выделял ее фигурку в толпе, когда утром с чашкой кофе смотрел из окна своего офиса.

Тогда он наивно думал, что это наваждение скоро пройдет. Ну не может же такое длиться долго! Да, она милая во всех отношениях девочка, но он достаточно взрослый и серьезный мужчина, он может взять себя в руки и относиться к ней просто как к сотруднику...

Да только месяцы сменяли друг друга, а это его личное сумасшествие и не собиралось ни развеиваться без следа, ни даже просто хоть немного поутихнуть. Стоило ему ее увидеть — и Дмитрий Викторович, руководитель крупного концерна и серьезный бизнесмен куда-то исчезал, уступая место ненормальному влюбленному подростку, у которого напрочь сорвало крышу по причине первой любви.

Нет, он, конечно, вовсе не был скромным парнем, который не знает, с какой стороны подойти к девушке. Даже наоборот — со времен бурной студенческой молодости считался дамским угодником и сердцеедом. Но здесь была совершенно особенная ситуация. У этой невероятной феи, от которой у него перехватывало дыхание и напрочь отключались мозги, был жених. А у Дмитрий Викторовича, еще с тех самых студенческих пор, когда он звался не Дмитрием Викторовичем, а просто Димоном, был незыблемый принцип: никаких романов с чужими дамами. Тем более, что тут не просто чужая дама, а чужая невеста и без пяти минут чужая жена.

И поэтому он вновь и вновь с зубным скрежетом слушал, как она в очередной раз рассказывает своему милому Вадику о том, что нужно сделать с чертовым супом, чтобы случилось волшебное преобразование, и он из холодного стал горячим. Хотя ему безумно хотелось вырвать трубку у нее из рук и, не сдерживаясь, крикнуть:

— Слышь ты, дебила кусок! Если ты с двадцатого раза не можешь запомнить, как сунуть тарелку в микроволновку, позвони в службу доставки и тебе привезут еду горячей!

Но он лишь сжимал зубы и до боли стискивал кулаки. Это чужие отношения, и он не имеет никакого права в них лезть, тем более что Инна ни разу не заикнулась и не намекнула, что ее в них что-то не устраивает. А если так, то кто он такой, чтобы в это вмешиваться?

Переломный момент, как водится, наступил в одночасье. И ведь ничего особенного не произошло.

Он, как обычно, пришел утром в офис. Она, как обычно, сидела у себя за секретарским столом, а когда он вошел в дверь — распахнула свои огромные глазищи и посмотрела на него как-то... Он бы и сам не сказал — как.

Уж точно в этом взгляде не было ни призыва, ни кокетства, ни малейшего намека на то, что он может ей каким-то образом нравиться. Но в эту секунду Дмитрий понял: если он в ближайшее время ничего не предпримет — пройдет неделя, месяц, сколько-нибудь там — и все будет кончено. Этот остолоп наденет ей кольцо на палец. Ведь он, конечно, остолоп, но не настолько же, чтобы не понимать, какое сокровище ему по нелепой прихоти судьбы досталось.

Решение пришло моментально.

— Инна, на следующей неделе я собираюсь инспектировать один из наших дальних филиалов. Будет командировка на три-четыре дня.

Сказал — и сам обалдел. Этот филиал работал как часы, и не как китайские с «Соли-экспресса», а как какой-нибудь идеально отлаженный швейцарский механизм.

— Мне заказать вам гостиницу и билеты? — с привычной готовностью спросила она.

— Нам. Не мне, а нам. Вы мне там понадобится. Программа ожидается очень обширная. Так что, готовьтесь к командировке. И свяжитесь с филиалом.

Дмитрий представлял, как они там все обалдеют, когда узнают, что высокое начальство неожиданно решило бросить все важнейшие дела и навестить их скромный участок. Ну да ладно, пусть понервничают. Им это полезно.

Разумеется, ничего инспектировать он не собирался, а вот провести несколько дней рядом с

Инной, показать себя совсем с другой стороны, в неофициальной обстановке — это была отличная мысль. Впрочем, всё с самого начала пошло не так, как он планировал.

Во-первых, Инна. Она и раньше его словно побаивалась. И это было странно: Дмитрий никогда не принадлежал к числу начальников, при виде которых у подчиненных трясутся поджилки. Наоборот, он старался относиться ко всем уважительно и доброжелательно. Никогда не знаешь, как повернется жизнь, с кем тебя столкнет, и в какой позиции ты при этом будешь находиться. Да и вообще, не любил конфликтов — непродуктивная и энергозатратная штука.

Но с самого начала поездки Инна смотрела на него чуть ли не с ужасом. И вот что это могло значить? Заранее считает его негодяем и насильником? Или тираном, разлучившим влюбленные сердца на целых несколько дней?

Еще один незапланированный «подарок судьбы» ему преподнесло уже руководство филиала, прислав на встречу жутко вульгарную девицу с претенциозным именем Элеонора. Трудно сказать, то ли руководство филиала решило, что Дмитрия Викторовича обуял такой сексуальный голод, что ради четвертого размера груди он готов продать родину и забыть о собственных деловых интересах, то ли сама девушка впечатлилась его неотразимостью и решила «захомутать столичного перца»... но она прилипла к нему так, что не оторвать, и это было совершенно невозможно.

— Давайте убежим? — мурлыкала она ему на ухо в танце, прижимаясь так тесно, что того и гляди задушит грудью. — Я бы с удовольствием станцевала для вас без всего этого, — она бросила томный взгляд вниз, куда-то в сторону декольте.

— Серьезно? У вас все это отстегивается? — он не удержался и съязвил.

Девица хрипло захохотала:

— Какой вы, однако, шутник!

А он не сводил глаз с Инны. Та беспокойно ерзала, нервно оглядываясь по сторонам, а какой-то мужичонка из администрации, видно, обрадовавшись, что строгого босса уже нет рядом, откровенно пялился на девушку и чуть ли не пожирал ее глазами.

Ну уж нет, отсюда надо уходить как можно скорее. В такой ситуации они не то что не сблизятся — она не захочет его видеть больше никогда.

К счастью, блондинка их ненадолго покинула.

— Пойдемте потанцуем? — Дмитрий старался говорить легко и небрежно, но голос предавал и срывался. Вот же черт побери! И правда, как подросток...

— Я не могу, — сказала его фея, снова пригвоздив к полу одним взмахом пушистых ресниц.

Дмитрий растерялся, понес какую-то околесицу про сектантов и еще не пойми про что. И вдруг — вместо жеманства и кокетства это ее трогательное и почти беспомощное: «У меня съехал чулок». В этот момент у самого Дмитрия съехала крыша.

— Сейчас мы все исправим! — и прежде, чем он сам успел сообразить, что делает, он набросал на ковер столовых приборов и нырнул словно бы за ними под стол.

Тонкая паутина чулка, ее бархатная кожа под его пальцами... Сердце перестало биться, словно

его сжало в кулак. Они уже вышли танцевать, а он все не мог восстановить дыхание. А потом — придумать, что бы такого сказать. И в результате сказал, что думал:

— Давайте убежим отсюда?

Это было еще куда ни шло... Но потом он опять понес чушь, зачем-то приплел сюда же блондинку и, кажется, ранний подъем. И все-таки она согласилась...

Напряженное молчание, которое повисло между ними в такси, а затем и в лифте... Нечаянное столкновение пальцами... От всего этого кружилась голова и почему-то казалось, что возможно — ну а вдруг? — она тоже чувствует к нему что-нибудь. Нет, ну серьезно — хоть что-нибудь.

Полбокала коньяка, которые он все-таки выпил на этом удивительном и несуразном празднике жизни, добавили не то чтобы даже храбрости, а какой-то сумасшедшей бравады: сейчас или никогда! Он вышел вместе с ней на этаже, довел ее до номера и уже собирался выпалить все: про то какая она, про то, как он к ней относится, про то, что они могли бы...

Телефон в ее сумочке разразился отвратительным ором. Жених. Ясно. Что там говорят о знаках? Это был знак? Не лезь не в свое дело?

Он вылетел из гостиницы словно ужаленный, долго кружил по пустынным окрестным улочкам, меря асфальт шагами, чтобы выплеснуть переполнявшие его чувства хоть куда-то. Жаль, посреди города даже в провинции нет возможности колоть дрова. Только теперь он осознал, насколько это восхитительное занятие и как прав был тот кинематографический парень.

А успокоившись и вернувшись в гостиницу, Дмитрий обнаружил, что забыл ключ от своего номера у нее в сумочке. Попытался найти портье, чтобы взять у него запасной, но понял, что провинциальная гостиница ночью — это практически черная дыра и бермудский треугольник вместе взятые, и направился к ее номеру. Но наградой за смелость ему были лишь едва приоткрытая дверь, тонкое запястье и скользнувший в ладонь ключ.

Дмитрий вернулся в номер и упал на кровать, бездумно глядя в потолок. Какого черта? Что за блажь пришла ему в голову? Инна, как бы она ни была привлекательна для него, — чужая девушка, и ничего из этого не выйдет, никогда. Зачем было тащить ее сюда и рвать себе сердце?

Тишину провинциального полулюкса разрезал звонок. Незнакомый номер. Сначала он не хотел отвечать. Кто знает, вдруг это та самая Элеонора, дойдя до кондиции, решила, что бегство из ресторана — это еще не повод не станцевать ему «без этого всего». Да и время позднее. Но он все-таки ответил на звонок.

— Дмитрий Викторович? Меня зовут Алексей, — раздался из трубки бас, который точно не мог принадлежать Элеоноре, а потому слышать его было приятно. — Тут такое дело... я понимаю, зачем вы приехали. Эти... — он добавил непечатное слово, — совсем зарвались и проворовались.

Дмитрий замер, как гончая, сделавшая стойку. Вот тебе и самый образцовый филиал! Значит не зря он сюда явился, хоть в делах сердечных это и не помогло.

— В общем, я их прикрывать не собираюсь и все шишки за них ловить тоже, так что все расскажу, покажу, а дальше сами решайте. А хотите — сами отправляйтесь на склад, и все увидите. Но лучше ночью, — сказал бас, и Дмитрий резко сел на кровати.

Склад. Ночью. То самое место, откуда не убежишь и не спрячешься.

— Благодарю, Алексей, — с чувством сказал он. — Ты даже себе не представляешь, как выручил меня, дружище.

* * *

Он сам намеренно захлопнул дверь склада, хоть уже не верил в то, что это сможет что-то изменить. Их поездка подходила к своему логическому концу, а его фея все еще была мила, предупредительна, но бесконечно далека от него.

Ему даже казалось, что теперь она стала еще дальше, чем до поездки. Они вернутся, и все очарование и романтика их совместной вылазки улетучится. Но вот сейчас, сейчас они лежат рядом на этих дурацких тюках, смотрят в потолок и разговаривают обо всем, о чем только можно так, будто знают друг друга всю жизнь, так, будто для них нет ничего нормальной и естественной чем вот так лежать рядом.

Когда Инна задремала, сжавшись в комок от холода, он не выдержал: придвинулся, хотел прикрыть своим пиджаком... И она, словно почувствовав рядом что-то большое и теплое, тут же развернулась к нему и устроила голову у него на плече. Ну что ж, теперь он точно может сказать, что оно того стоило.

Крепко обнимая ее, бережно прижимая к себе, как что-то самое дорогое, Дмитрий тоже уснул, а проснулся от того, что кто-то целовал его в губы, мягко и нежно...

* * *

— О чем задумался? — она целует его в висок, мягко скользит пальцами по груди.

— Да так, о всяком приятном, — он хватает ее в охапку, с силой прижимает к себе.

Уже сколько месяцев прошло, а он все не может поверить, что эта женщина — его, и каждый день влюбляется в нее заново.

— А знаешь, о чем я думала? — спрашивает она.

— Нет, не знаю, — с улыбкой отвечает Дмитрий. — Ты для меня загадка. Всегда. Как Джоконда, только красивая.

— Тогда, помнишь, на складе... Ты ведь нарочно подстроил, чтобы дверь захлопнулась?

Как удивительно, что мысли у них сходятся... Говорят, так бывает, если вы по-настоящему близки.

— Я? Что ты? Как бы я мог? Она сама, нечаянно. Или... А может, вообще это ты подстроила? — он целует ее и поцелуи становятся все жарче и настойчивее, — Я так и думал! Решила меня соблазнить и сломала дверь?!

— Делать мне больше нечего, — фыркает она, и он снова ее целует.

Губы, плечи, шею. Спускается ниже, захватывает губами сосок, точно зная, что уже через секунду она не сможет думать не только о складе и о том, что там произошло, а вообще ни о чем.

Некоторым секретам лучше оставаться секретами.

Бонус 2

— Горько, горько! — громко кричали люди — знакомые, малознакомые и совсем-совсем незнакомые.

Сначала мы хотели большую свадьбу, а сейчас уже, кажется, совсем не хотим. Наши губы сливаются в поцелуе — нежно, страстно, как только и может такое быть. А когда мы тяжело отрываемся друг от друга, я шепчу на ухо моему любимому — теперь уже моему мужу:

— Отвратительный, варварский обычай. Как вообще мы в это впутались?

Нет, ну правда — когда люди целуются, почти растворяясь друг в друге, когда у них кружится голова от близости, от нежности, от того, что они вместе, — что нужно делать дальше? Правильно! Немедленно срывать друг с друга одежду, ласкать, обнимать, гладить, приставать. Прикусывать, стонать и наконец — сливаться в одно целое. А уж точно не садиться на места и не ковыряться от отчаяния в салате.

Дима ловит мой печальный, умоляющий взгляд и кажется, без слов понимает, что бы я хотела сказать. О чем-то перешептывается с официантом... Может быть о том, чтобы добавить мне в шампанское брома? Надеюсь, что это не так...

— Пойдем подышим свежим воздухом, — говорит он мне, нежно сжимая мою ладонь, — Гости гарантированно заняты. В ближайшее время мы здесь не очень нужны.

И я вижу, как гостям разносят горячее. Ну да, есть надежда, что, увлекшись хлебом, они на какое-то время забудут про зрелища.

Мы осторожно выходим из-за стола, оставляя свидетелей и тамаду отдуваться за нас: невесте срочно нужно попудрить носик. Но идем мы не туда, где обычно пудрят носик, а в противоположном направлении. Мой теперь уже муж открывает какую-то дверь и мягко вталкивает меня в темное помещение. Рядом что-то гремит, падая. Что-то деревянное.

— Что это? — спрашиваю я.

— Подсобка. Неважно.

Он порывисто прижимает меня к стене, впивается в мои губы, будто нестерпимо долго не целовал их, и задирает пышные юбки свадебного платья. Голова кружится, а я задыхаюсь, прекрасно понимая, что сейчас нас ждет.

— Ты невозможен, — я жарко шепчу, игриво прикусывая его подбородок.

В этой темноте и не видно ничего. Лишь ураган ощущений, эмоций, что кружит, забирая с собой куда-то далеко отсюда. Туда, где нет нашей свадьбы, где нет неугомонных гостей. Туда, где только мы и наша любовь.

— Если ты скажешь, что не хочешь того же, я тебя просто покусаяю. — отвечает Дима, а его ладони жадно изучают мои чулки, подбираясь к подвязкам.

— Какое интересное предложение...

— Бессовестная!

Губы клеймят, завоевывают из раза в раз — каждым новым днем, каждой ночью, каждым поцелуем. Целый мир давно сузился до одного единственного человека, который никогда не перестает меня удивлять. Секс в подсобке. Кто бы сказал мне, что я буду хотеть его не меньше, а может быть даже больше.

Мои пальцы очерчивают его скулы, ногти царапают шею, и вот я уже нетерпеливо расстегиваю его рубашку, стараясь быть аккуратной. Нам ведь еще к гостям возвращаться...

— А давай сбежим? — шумно шепчу, глубоко вдыхая любимый запах — аромат его тела и терпкого парфюма.

— Обязательно сбежим. — отвечает он также порывисто.

Его губы изучают мои ключицы, целуют грудь, что частично выглядывает из корсета, а ладони гладят ягодицы, чуть сжимают, тогда как кончики пальцев едва касаются края белья. Нестерпимо хочется, чтобы прикоснулся к самому сокровенному, подарил ласку, от которой сводит ноги, а колени слабеют.

— Люблю тебя. — выдыхаю, чтобы найти его губы, чтобы прижаться плотнее, очертить ладонями его грудь, живот, поцарапать спину и вонзиться в плечи.

Шаловливые пальцы пробираются под белье, гладят влажные складки, пощипывают клитор. Кружат совсем рядом от входа во влагилице, точно зная, что там у меня самое чувствительное место. Играет, дразнит, но недолго, иначе знает, буду возмущаться. Буду возмущаться и обязательно мстить, едва касаясь головки члена губами. Медленно очерчивая ствол языком до самого основания.

Жар удушливой волной ложится на плечи, сжимает сердце, оставляя и легкие без воздуха, когда его пальцы мягко проникают внутрь. Ощущаю, что он старается держаться из последних сил, но страстные острые движения выдают его нетерпение. Он тоже хочет поскорее соединиться, будто у нас одно чувство, одно желание на двоих — быть вместе и морально, и физически. Всегда.

Пальцы отодвигают стринги в сторону, а я уже сама расстегиваю пуговку на его брюках, пробираюсь к молнии. Даже ремень не расстегиваю, не трачу время на штаны. Так еще интереснее. Возбуждение острой волной пронзает лоно, тянет не болью, но чем-то похожим. Ну же, скорее!

— Люблю, люблю, — громко вторят его губы, и я накрываю его рот поцелуем.

Не хочу, чтобы нас услышали. Просто не переживу, если кто-то нас прервет. Убью, как есть придушу и даже сожалеть не буду.

Чертово платье мешается. Приходится поддерживать слишком пышную юбку. Сама подаюсь вперед, едва твердый член касается лона. Не могу сдержать стон облегчения. Ствол трется о клитор каждым рваным движением. Адреналин прошивает вены — ведь мы же в подсобке, в которую в любой момент кто-нибудь может войти! А и наплевать! Главное, Дима рядом. Главное творится именно здесь.

Мои ягодицы ударяются о его ладони. Языки сплетаются в страстном танце, в настоящей войне, в ежедневном сражении, в котором я так люблю проигрывать. Ощущаю его силу, мощь и наслаждаюсь каждым действием. Ему нравится, когда ловлю кончик его языка, немного прикусывая. Хоть и злится, рычит, но это напускное. Это наша игра. Игра длиною в жизнь.

Горячая волна собирается внизу живота, сворачивается в тугий ком, готовый взорваться в любую секунду. Каждый толчок натягивает пружину все сильнее, но Диме будто мало того, что я уже еле стою на ногах. Мало того, что мои ногти вонзаются в его спину, оставляя красные полосы на коже. Мало моих стонов, что наверняка слышны даже за пределами этой каморки.

Подушечкой пальца он гладит мой анус. Мягкими движениями собирает влагу и неожиданно проникает внутрь, а меня пронзают такие эмоции. Задыхаюсь, не то возмущением, не то... Просто не понимаю, как может так быть. Давление усиливается, а я непроизвольно сжимаюсь, осящая стенками его палец. Так страстно, волнуяще, дико, безумно и невероятно хорошо.

Уже не контролирую собственные мышцы. Они сжимаются и расслабляются будто в панике, а я не способна даже отвечать на поцелуи. Только рот приоткрыт, но воздух не касается легких. Тело немеет, ноги слабеют, а дрожь захватывает полностью. Жарко настолько, что хочется лечь прямо на пол, но Дима удерживает, продолжая вонзаться в самую суть.

Его рык становится наградой и освобождением. Движения замедляются, а я цепляюсь за его плечи, чтобы не упасть.

— Тише-тише. Сейчас. — подхватывает он меня на руки.

Как он еще может стоять на ногах? Так и присаживается к стене, а я крепко, доверчиво прижимаюсь к нему, пытаюсь отдышаться. Слышу его сердце, что бьется с невыносимой скоростью. Мой муж нежно целует меня в лоб, а я улыбаюсь в этой темноте. На большее просто не способна.

— Я так сильно люблю тебя, девочка. — шепчет, а я просто не понимаю, как раньше жила без него.

Как раньше жила без нашей сумасшедшей любви.